

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИСТОРИКОВ-АМЕРИКАНИСТОВ

«Круглый стол», организованный Российской ассоциацией историков-американистов и Центром североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, был посвящен 50-летию выхода в свет первого выпуска «Американского ежегодника», который является ведущим российским академическим периодическим изданием по американистике, канадоведению, а в последнее время и по латиноамериканистике. С докладом на тему «Итоги и перспективы» выступил ответственный редактор, д.и.н., проф. В.В. Согрин. Участники «круглого стола» в своих выступлениях высоко оценили важную роль «Американского ежегодника» в отечественной исторической науке и его международный авторитет, всесторонне рассмотрели различные аспекты развития исследований по истории США и Канады, высказали рекомендации по дальнейшему улучшению «Американского ежегодника».

Ключевые слова: «Американский ежегодник», 50 лет, «круглый стол», американистика, канадоведение, Российская ассоциация историков-американистов

The «round table», organized by the Russian Association for the USA History Studies and the Center for North American Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, was dedicated to the 50th anniversary of the publication of the first issue of the «American Yearbook», which is the leading Russian academic periodical on American studies, Canadian studies, and recently on Latin American studies. A report on the topic «Results and Prospects» made by the executive editor Ph.D., Prof. Vladimir Sogrin. The participants of the «round table» highly appreciated in their speeches the important role of the «American Yearbook» in Russian historical science, and its international authority, comprehensively considered various aspects of development of the USA and Canada historical studies, made recommendations for further improvement of the «American Yearbook».

Key words: the «American Yearbook», 50th anniversary, the «round table», American studies, Canadian studies, Russian Association for the USA History Studies

ДОКЛАД

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.В. Согрин

История «Американского ежегодника» («АЕ») может быть разделена на советский (до 1991 г.) и постсоветский периоды¹. В советский период преобладали авторы из насчитывавшего до 30 сотрудников Сектора / Отдела истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР (позднее – РАН), расположенного в Москве. В постсоветский период соотношение авторов менялось в пользу не московских. Количество отечественных американистов регулярно сокращалось, но число авторов, как и объем ежегодника, существенных перемен не претерпели. В постсоветский период стало появляться больше материалов по истории Латинской Америки и Канады, так что «АЕ» превратился в подлинно американский. Эту тенденцию редколлегия постарается упрочить.

В советский период основное место занимали материалы по истории американского рабочего движения, профсоюзов, а также компартии США. «Ошибки» профсоюзов и компартии рассматривались с точки зрения кризиса американского капитализма и смены его в конце концов социализмом. Повседневная жизнь рабочих, их разделение на «синие» и «белые» воротнички, пополнение последними среднего класса не исследовались.

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра североамериканских исследований Отдела региональных исследований ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», ответственный редактор «Американского ежегодника».

¹ Г.Н. Севостьянов – первый отв. редактор «Американского ежегодника» («АЕ») в 1971–1988 гг., Н.Н. Болховитинов – отв. редактор в 1988–2008 гг. С 2009 г. по настоящее время отв. редактором является В.В. Согрин. На современном этапе «АЕ» выходит как в печатном, так и в электронном видах. Электронный вариант, присутствующий на доступном для всех сайте «АЕ», содержит оглавление выпусков за 2000–2020 гг., а последние три выпуска включают полные тексты опубликованных в них материалов. Электронный вариант содержит также постоянную рубрику «Библиография», в которой содержится информация обо всех научных работах (монографиях, статьях и т.д.), изданных на русском языке.

Важное место занимала история внешней политики США, особенно российско-американские отношения (постоянная рубрика «Россия и США»), трактовавшиеся в ключе раскрытия американских имперских устремлений.

Особое место отводилось критике американской историографии как по основным, так и по более мелким проблемам Соединенных Штатов, хотя историкам прогрессистской и особенно радикальной школ выставлялись позитивные оценки.

В изучении внутренней политики преобладала партийно-политическая тематика, острокритически оценивалась история буржуазных реформ. Фактически игнорировалась экономическая история США (за исключением серьезных, на мой взгляд, статей А.А. Кредера и Б.М. Шпотова, как и первых клиометрических статей С.Б. Станкевича и М.А. Власовой). В нарративном ключе были написаны статьи по ранней американской истории Л.Ю. Слѣзкина. Серьезное внимание уделялось первой Американской революции, в связи с 200-летием Войны США за независимость (1775–1783), а также Гражданской войне в США (1861–1865), с особым упором на решающую роль в борьбе с рабством чернокожих американцев.

В постсоветский период идеологические перекосы в изучении истории Соединенных Штатов стали преодолеваются. В 1990–2000-е гг. одним из способов преодоления однобокости советской американистики стало широкое привлечение к публикации в «АЕ» американских авторов, в первую очередь историков-прогрессистов, как и близких к ним по позициям авторов. Были опубликованы статьи Джека Грина, Нормана Сола, Джоела Сили, Даррета Ратмана, Гордона Вуда, Майкла Зукермана и др. Некоторые из американских историков были введены в редакционный совет «АЕ».

Появились статьи, направленные на теоретико-методологическое обновление отечественной американистики, хотя большинство статей носили нарративный характер. Нарастала публикация статей американистов из С.-Петербурга, Владимира, Кирова (Вятки), Тамбова, Курска, Томска и других новых центров изучения американской истории. На современном этапе важное место заняли публикации материалов всероссийских конференций «Узловые проблемы истории внешней политики США» (Москва, 18–19 ноября 2015 г.), «Методология. Историография. Источниковедение современной американистики» (Москва, 29–30 ноября 2017 г.) и «США и Россия. Взаимоотношения. Взаимовосприятие. Изучение» (Москва, 20–21 ноября 2019 г.).

Для «АЕ» в будущем, по-моему, важно отделить профессиональную историографию от «публичной истории» («*public history*»), которая обрела «права гражданства» как за рубежом, так и в России. В университетах США эта специализация потеснила профессиональную

историографию. В Соединенных Штатах действуют журналы «Публичная история», «Публичный историк» и ассоциация, куда входят журналисты, публицисты, представители разных сфер культуры, выпускники университетов².

«Публичная история», формирующая историческое сознание народа, многолика. Это публицистика в самых разнообразных формах — от телевизионных ток-шоу, телесериалов и фильмов на исторические темы до газетных обсуждений разнообразных сюжетов; исторические романы, иная художественная литература, документальная беллетристика; всевозможные произведения искусства, в первую очередь памятники, мемориалы, музеи, выставки, посвященные актуальным историческим событиям, известным деятелям и т.д. Все активнее на ведущую позицию в создании «публичной истории» выходят электронные порталы.

Вот некоторые принципиальные отличия профессиональной историографии, которой следует «АЕ». Она опирается на совокупность первоисточников. Но их роль не может абсолютизироваться. Историки, отстаивающие разные концепции, в их подтверждение приводят часто отличающиеся данные источников. Отбор нередко зависит от авторского мировоззрения, хотя многие историки в этом не готовы признаться, а то и искренне убеждены, что свободны от всяких идеологических воздействий. Это ставит в качестве важной задачи выработку у профессионального историка непредвзятого и сбалансированного привлечения источникового материала исследуемой темы, максимального приближения к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов.

Ученого-историка отличает глубокое знание и использование историографии исследуемой темы. Главными подходами в отношении историографической традиции являются противоборство и диалог. Диалог — это научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, приращение общего знания в интересах исторической истины. Историография помогает обозначить спорные и слабоизученные проблемы, темы, аспекты, выдвинуть вопросы изучаемому прошлому, оформить исследовательский поиск.

Основопологающей платформой профессиональной историографии является историзм. Его антитеза — презентизм, равнозначный подчинению исторической интерпретации сегодняшнему дню, — «политика, опрокинутая в прошлое». Историзм же оценивает былые события и деятелей в зависимости от того, что они дали в сравнении с пред-

² Подробно см.: *Ходнев А.С.* Социокультурные практики публичной истории в США // *Американский ежегодник 2018/2019.* М., 2019. С. 24–38.

шествовавшими эпохами и в контексте обстоятельств, ментальности, возможностей своего времени. Представители «публичной истории» зачастую игнорируют научную традицию и занимают презентистскую позицию «опрокидывания политики в прошлое». В последние десятилетия в США история подверглась массивному натиску презентистской политкорректности, которой фактически сдалась в плен и профессиональная историография.

В последние годы в США была заметна «война памятников». Представители политкорректности начали крушить монументы, посвященные рабовладельческой Конфедерации, поборников которых много в южных штатах и поныне. Под их «горячую руку» попали также монументы, посвященные родоначальникам США. «Публичные историки» взяли под жесткий контроль профессиональных, которые сегодня уже не осмелятся воздержаться от осуждающих оценок относительно основателей государства, будь то Дж. Вашингтон или признанный «отец» американской демократии Т. Джефферсон.

В советский период профессиональная историография с теми или иными исключениями следовала «публичной истории» КПСС. Ситуация стала меняться с середины 1980-х гг. Главным плюсом перестроечного периода для профессиональной историографии явилась академическая свобода, прежде неизвестная. Вместе с тем данная историография была неотделима от «публичной истории». После распада СССР либеральную «public history» взяло на вооружение правительство Б.Н. Ельцина, и она легла в основу учебной исторической литературы. Это, по сути, диктовалось установками «сверху».

Либерально-западнический подход, утвердившийся в 1990-х гг., не смог удержать господствующего положения ни в «публичной истории» в целом, ни в учебной исторической литературе в частности. На современном этапе заметно стремление власти возвеличить монархов Российской империи и признать ее крушение национальной трагедией, причем «рукотворной», т.е. имевшей не естественный, а искусственный характер.

Истории США российская «публичная история» касается на федеральных телеканалах. Основной прием новостных программ и телешоу («60 минут» и другие) подобен известному советскому приему. Разоблачаются экономические контрасты, массовая бедность, наркотики, неравенство чернокожих, «цветных» и индейцев. Эти явления имеются в США, но за скобками остается то, что в современной России эти явления присутствуют, мягко говоря, не в меньших масштабах. Другой прием заключается в возвеличивании российской имперской истории, где все хорошо, а в Америке двести с лишним лет было рабство чернокожих и расовая сегрегация. При этом «упускается из виду», что в России четыреста лет существовало рабство белых соотечествен-

ников. Екатерина II запретила называть крепостных рабами. Но положение их от этого не улучшилось. Русское рабство отличалось от рабства чернокожих, и эта тема до конца не изучена.

Во взгляде на американское прошлое российской «публичной истории» присущ откровенный презентизм. Приведу пример с известным либеральным публицистом В. Познером. Критикуя Д. Трампа за ограничение иммиграции, он доказывал, что Америка *изначально* была привержена равенству прав, и Трамп нарушает первоосновы. Действительно, в Декларации США 1776 г. были провозглашены равные естественные права «всех людей». Но дело в том, что авторы этого документа, включая Джефферсона, понимали под «всеми людьми» только белых мужчин, что соответствовало духу и букве их времени. Так что Трамп первооснов не нарушал, хотя по современным (но не изначальным) меркам, одобряемым большинством американцев, он посягал на равные права меньшинств.

«АЕ» в будущем должен, по моему мнению, следовать принципам профессиональной историографии. Важно признавать, что постижение исторической истины означает раскрытие, признание, сбалансированное представление в исследовании всех сторон изучаемого объекта, показ самых разнообразных явлений прошлого и нахождение их объективного соотношения. Многие исследователи, возможно, не согласятся с подобными ориентирами, и редколлегия, следуя научному плюрализму и академической свободе, обязана и будет предоставлять место самым разным авторам, подходам, выводам. Но приоритет профессионализма, как мне кажется, важен.

Желательно уделить больше места тематике, слабо изученной или оставшейся втуне. Это, например, экономическая история. Причем важно высвечивать острые и дискуссионные вопросы. Мне однажды пришлось услышать из уст академика, директора Института США и Канады РАН мнение, что американская помощь сыграла важнейшую роль в торжестве советской индустриализации. Но какую точно? Известный отечественный историк Б.М. Шпотов в прекрасной монографии³, посвященной экономическим отношениям СССР и США данного периода, привел множество интересных фактов, но данный вопрос обошел молчанием. Вопрос так и остается без профессионального ответа.

Много нового можно ожидать от изучения социальной истории. Американисты советского периода были поглощены классовым конфликтом между трудом и капиталом. Также уделялось внимание расовым конфликтам, но, по сути, игнорировались религиозный и гендер-

³ Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М., 2012.

ный конфликты⁴. Среди американских авторов существует разноречивость в понимании соотношения разных социальных конфликтов. Афроамериканские авторы отдают приоритет расовому конфликту. Феминистские авторы трактуют главный конфликт нации как преодоление женщинами порабощения и шовинизма со стороны мужчин. Но в американском обществе существовали и существуют разные конфликтные социальные группы. Главными на большинстве этапов были: 1. Классово-экономические. 2. Расово-этнические. 3. Религиозные. 4. Гендерные. 5. Поколенческие. Конфликтовали белые, чернокожие и индейцы; буржуазия и рабовладельцы; капитал, пролетариат и фермеры; протестанты и католики; мужчины и женщины; взрослые и молодежь. На разных исторических этапах их роль была различной. Объективно-реалистическому освещению социальной истории США «АЕ» может уделить важное место.

Много лакун сохраняется в изучении внутривластной истории. Либерально-демократические основы США были заложены Конституцией США 1787 г. Впоследствии принципы равных прав граждан, разделения властей и иные положения расширились. Равенство прав граждан было распространено на разные социальные слои, расово-этнические и гендерные группы. Но как выглядит это равенство в действительности? В американском правовом государстве верхние слои могли и могут нанять лучших юристов, оплатить лучших докторов, и в реальности обеспечены огромными преимуществами в условиях равенства всех перед законом. Но фактическая сторона равенства законов на разных исторических этапах, ее эволюция практически не изучена нашими американистами. Также мы знаем, что Конституция США утвердила разделение власти не только на федеральном уровне, но и между федерацией и штатами. Какое значение имеют права штатов в реальном политическом процессе, как характеризует американскую демократию на разных этапах меняющееся соотношение прав центра и прав штатов? Эти и многие другие вопросы внутренней политики США не исследованы в отечественной американистике.

На мой взгляд, не рассмотрены с современных исследовательских позиций важные вопросы внешней политики, хотя этой тематике «АЕ» всегда уделял большое место. Например, очевидно, что вступление США в Первую мировую войну весной 1917 г. имело отношение к повороту эпохального события, но какой была реальная мера американского влияния? Зарубежная историческая литература, в том числе

⁴ В четырехтомной истории США, опубликованной на исходе советского периода, религиозным и гендерному конфликтам места не нашлось. См.: История США: в 4 т. / Редкол.: Г.Н. Севостьянов (гл. ред.) и др. М., 1983–1987.

переведенная в России на современном этапе, дает ответ на этот вопрос, отличный от наших традиционных представлений⁵. Множество других вопросов внешней политики США в зарубежной исторической литературе, изданной в современной России, имеют не привычные для нашей американистики трактовки, выводы, материалы, на которые авторы «АЕ» могут откликаться собственными новациями.

«АЕ» продолжит тематику взаимовосприятия России и США на разных исторических этапах, активно разрабатывавшуюся в постсоветской американистике. Но проблема изучения ментальностей, ставшая, в отличие от советских времен, одной из центральных в отечественной исторической науке, гораздо более широка, и эту широту предстоит осваивать авторам «АЕ». Какой была меняющаяся на разных этапах американская ментальность? Она была разной у разных социальных групп, она была региональной и была национальной. Но какой? Авторы «АЕ» могут помочь ответить на этот вопрос.

СООБЩЕНИЯ

ИНОСТРАННЫЕ УЧЕНЫЕ – АВТОРЫ ПУБЛИКАЦИЙ В «АМЕРИКАНСКОМ ЕЖЕГОДНИКЕ»

Л.М. Троицкая

За 50 лет своего существования «АЕ» заслужил в СССР / России репутацию авторитетного академического издания по американистике и канадоведению. Ряд выпусков «АЕ» присутствует в каталоге Библиотеки Конгресса США. Всего в разные годы на страницах ежегодника опубликовано свыше 50 статей американских историков, а также исследователей из Канады, Великобритании, ФРГ, Польши. Историки

⁵ В переводной работе британского автора утверждается: «И в Первой, и во Второй мировых войнах решающую роль сыграло участие Соединенных Штатов, что, в свою очередь, привело к установлению нового миропорядка». См.: *Иглз Р.* История Англии. М., 2010. С. 238.

Троицкая Лариса Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Отдела региональных исследований. ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

из Соединенных Штатов представляли Гарвардский, Принстонский, Корнельский университеты, Университет Джонса Гопкинса, университеты ряда штатов. Исследователи из Западной Европы работали в британском Ноттингемском университете и западногерманском Кассельском университете. В последние годы с «АЕ» активно начали сотрудничать историки из Республики Казахстан.

Материалы помещены в постоянных рубриках «История США», «Америка и Россия», «История Русской Америки», «История Канады» и др. Статьи публиковались также в тематических рубриках «Преподавание американской истории», «На пути к переосмыслению периода “холодной войны”», «Президентские выборы в США 2016 года. Ретроспектива и перспектива», «Президентство Г. Трумэна» и т.д. «АЕ» начал публиковать статьи иностранцев в конце 1970-х гг. Первым из них стал историк и политолог из Польской Народной Республики Л. Пастусяк. В «АЕ 1978» появилась его статья о внешней политике южной Конфедерации в годы Гражданской войны в США (1861–1865).

С 1988 по 1991 г. были опубликованы шесть статей американских исследователей, в которых рассматривались различные аспекты внутривойсковой истории США, истории советско-американских отношений в годы Второй мировой войны. В «АЕ 1988» в специальной рубрике «Советско-американский коллоквиум по проблемам истории Второй мировой войны» публиковались работы историков У.Ф. Кимболла «Дипломатия кризиса: июнь–декабрь 1941 г.» и Т.А. Уилсона «Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу», а в «АЕ 1989» – статья Ч.С. Александера (Ун-т штата Огайо) «“Дядя Джо”: образы Сталина в период наивысшего развития антигитлеровской коалиции». В тот период стал усиливаться интерес к имагологии, изучению восприятия «Других». Можно отметить многочисленные плодотворные исследования в данной области историка Н.Э. Сола (Канзасский ун-т, г. Лоренс), научные интересы которого были сосредоточены на истории отношений США и России. «АЕ 1990» опубликовал его статью «Представления русских об Америке (1820–1860)».

В выпуске ежегодника за 1989 г. в рубрике «Количественные методы» известный историк-клиометрист М.А. Виновскис (Мичиганский ун-т) задался вопросом «Не упустили ли социальные историки из виду гражданскую войну? (Некоторые предварительные демографические размышления)». Р.Л. Мессер (Иллинойский ун-т, г. Чикаго) в статье «Трумэн и бомба: точка зрения постревизиониста» размышлял в «АЕ 1990» над проблемой отношения президента Г. Трумэна к обладанию американцами атомной бомбой.

Среди признанных специалистов, изучавших фундаментальные проблемы ранней американской истории, следует отметить статьи Дж.П. Грина (Ун-т Джонса Гопкинса) «Pluribus или Unum? Этническая идентичность в ранней колониальной Британской Америке» («АЕ 1999») и «Происхождение американского конституционализма» («АЕ 1991»), Х. Диппеля (Кассельский ун-т, ФРГ) «Американский конституционализм и народный суверенитет: неизученная проблема» («АЕ 1992»), Дж. Силби (Корнельский ун-т) «Контурь политической системы США, 1789–1991» («АЕ 1992»), Д.Б. Ратмана (Ун-т Флориды) «Мифы, мораль и мегатеории как проблемы исторического синтеза. На примере американского Юга до Гражданской войны» («АЕ 1992»), Г. Вуда (Ун-т Брауна, США) «Радикализм Американской революции» («АЕ 1994»), Б. Бейлина (Гарвардский ун-т) «Создание Американской федерации (Контурь Американской революции)» («АЕ 1997»), Дж. Мюрри-на (Принстонский ун-т) «Война, революция и формирование нации: Американская революция в сопоставлении с Гражданской войной» («АЕ 1997»), М. Зукермана (Ун-т Пенсильвании) «Демократия или почтительность? Старая история или новая? Рассказ о двух судьбах в ранней Америке» («АЕ 1999») и т.д. Важно отметить статьи М. Зукермана «Введение к парадоксам американской исключительности» («АЕ 1995»), Б. Перкинса (Мичиганский ун-т) «Парус и призма» («АЕ 1992»), Г. Кушнера (Ун-т Сан-Диего) «Постоянство “идеи границы” в американской мысли» («АЕ 1992»). Р.Л. Мессер представил статью «“Святая надежда” Америки: Трумэн и атомная бомба (1945–1949)» («АЕ 1991»). Глубокий анализ современного состояния историографии дипломатической истории США дал в «АЕ 1992» У. Лафибер (Корнельский ун-т).

Кардинальные изменения на международной арене после распада СССР заставили Б. Перкинса размышлять о роли США в создавшейся обстановке. В статье «“Холодная война” закончилась. Что дальше?» («АЕ 1994») он пришел к важному, не потерявшему актуальности заключению: «“Холодная война” ушла в прошлое, и с ней ушли образцы мышления и действий, на которые мы полагались. <...> Брошенные ныне Соединенным Штатам трудно понимаемые вызовы лишены стрелки компаса, показывающей на антикоммунизм. Хватит ли у нас воли, мудрости и способности их принять?»¹

Отношения между СССР / Россией и США и проблемы взаимовосприятия продолжали оставаться в поле зрения американских авторов «АЕ». В рубрике «Америка и Россия: открытия и взаимоотношения» «АЕ 1993» опубликовал статью Н.Э. Сола «“Простаки за границей”, или Как американцы и русские открывали друг друга, 1867–1881».

¹ Перкинс Б. «Холодная война» закончилась. Что дальше? // Американский ежегодник 1994. М., 1995. С. 179.

В «АЕ 1995» российский историк Н.Ш. Цихелашвили (РГГУ) и ее американский коллега Д.Ч. Энгерман (Калифорнийский ун-т, г. Беркли) исследовали роль американской помощи России в первые годы советской власти в 1921–1923 гг., когда помимо острых конфликтов между двумя странами существовало и сотрудничество. В публикации С.Е. Паулсон (Ун-т штата Огайо) в «АЕ 1998» говорилось о визите А.И. Солженицына в Вашингтон летом 1975 г.

Особо следует упомянуть о размышлениях историка М. Редикера (Джорджтаунский ун-т, г. Вашингтон, округ Колумбия) в «АЕ 1993» по поводу состоявшейся в Москве 19–21 марта 1991 г. Международной научной конференции американистов «Новые подходы к изучению американской истории», в которой участвовали, кроме советских исследователей, историки из США, ФРГ, Великобритании и Чехословакии. Подробно проанализировав ход конференции, возникшие дискуссии, он пришел к выводу, что на ее работе сказались не только «социальная и политическая напряженность момента, но и очевидное движение от старой официозной истории <...> к либеральному понятийному аппарату, к акцентам на права личности, конституционное правление, экономический рост, рыночные отношения и защиту частной собственности. Голоса либеральных реформаторов новой гвардии доминировали на конференции, хотя трудно определить, многие ли советские американисты разделяют подобные идеи»². Как предупреждение тогдашнему СССР, а позднее России, звучат ныне слова М. Редикера:

«Перенесение на советскую почву идей либерального капитализма, не критическое отношение к убеждению, что рыночные реформы естественным образом способствуют демократизации, порождают ряд вопросов. Приложимы ли идеи американского либерализма к условиям страны с совершенно другим историческим опытом и классовой структурой? <...> Заимствование нового политического языка – опасная игра: восприятие чужой политической традиции, если оно не сопровождается ее переработкой, адаптацией к собственным традициям и условиям, приводит лишь к отстранению от реальных конфликтов в интеллектуальной сфере и потере политических связей с народом»³.

С 1990-х гг. в ежегоднике регулярно печатаются статьи специалистов из США по истории Русской Америки. Первой из них была опубликованная в «АЕ 1993» работа Б. Дмитришина (Портлендский ун-т)

² Редикер М. Старая гвардия, новая гвардия или народ у ворот: новые подходы к изучению американской истории в СССР // Американский ежегодник 1993. М., 1994. С. 203.

³ Там же. С. 204.

о функционировании администрации Российско-американской компании (РАК) в 1798–1867 гг. Его перу принадлежала еще одна статья для «АЕ 2006», посвященная легендарному плаванию в 1806 г. в испанскую Калифорнию камергера Н.П. Резанова.

За 2000–2020 гг. было опубликовано около 15 статей ученых из США, Канады и Казахстана. В этот период преобладала тематика российско-американских отношений. Среди авторов были маститые исследователи, такие как Р. Пайпс (Гарвардский ун-т), выступивший со статьей «Вклад Теодора Рузвельта в заключение Портсмутского мирного договора 1905 г. между Россией и Японией» («АЕ 2010»); Д.Э. Дэвис и Ю.П. Трани, представившие статью «Повесть о двух Кеннахах: американские представления и политика в отношении России, 1891–1991» («АЕ 2003»), совместная работа В.И. Журавлёвой (Россия), Д.С. Фоглесонга (США) о процессе формирования образа России в Соединенных Штатах Америки в 1881–1917 гг. («АЕ 2004»). Были опубликованы интересные исследования о малоизвестных событиях в советско-американском сотрудничестве в годы индустриализации в СССР и во время Второй мировой войны⁴. Внимание привлекает и такой редкий сюжет, как деятельность на рубеже XIX–XX вв. эмигрантов-меннонитов из России в освоении Великих равнин США и роли русских сортов пшеницы в развитии сельского хозяйства данного региона⁵.

Американские авторы затрагивали различные проблемы внутренней истории Соединенных Штатов. В центре внимания У.Дж. Шейда (Ун-т Лихай, Пенсильвания) находилась очень важная для истории ранней Республики концепция фронта Ф.Дж. Тёрнера («АЕ 2002»). К.Н. Оуэн (Калифорнийский ун-т, г. Сакраменто) исследовал жизнь мормонов в Калифорнии во времена золотой лихорадки («АЕ 2010»). А. Коэн (Калифорнийский ун-т, г. Сакраменто) оценил значение для США Калифорнии и Аляски после 1867 г., когда РАК покинула Америку («АЕ 2017»).

«АЕ» сохранял интерес к «президентской» тематике. Историка из Республики Казахстан А.Л. Перевезенцева (Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова) привлекала биография президента США Герберта Гувера⁶. В специальной рубрике

⁴ Мельникова-Рэйч С.М. Роль американского архитектора и советского торгпреда в индустриализации СССР // Американский ежегодник 2014. М., 2014. С. 196–213; Паулсон С. История экипажа Эдварда Йорка: участники рейда Дулиттла в СССР // Американский ежегодник 2006. М., 2008. С. 237–257.

⁵ Мун Д. Интродукция русской пшеницы на Великих равнинах Соединенных Штатов Америки // Американский ежегодник 2011. М., 2011. С. 161–176.

⁶ Перевезенцев А.Л. Благотворительность во имя глобализма: Герберт Гувер и преодоление внешнеполитического изоляционизма США // Американский ежегодник 2016.

«Президентские выборы в США 2016 года. Ретроспектива и перспектива» принял участие М. Киммейдж (Католический университет Америки, г. Вашингтон, округ Колумбия). В его статье «Радикальные выборы 2016 года» («АЕ 2017») подчеркивалась их «революционность», рассматривались некоторые аспекты предвыборной кампании Трампа, позволившие ему стать главой США.

В последние десятилетия усилилось внимание профессиональных историков, учителей и общественности в целом к проблемам преподавания истории в школах, сохранения и конструирования исторической памяти. «АЕ 2005» опубликовал в рубрике «Преподавание американской истории» статью американского социолога, 20 лет преподававшего историю межрасовых отношений в Университете штата Вермонт, Дж.У. Лёвена «Преподавать подлинную историю». Он заявил о кризисе школьного исторического образования в США. Автор призывал не обходить острые углы, критически относиться к учебникам и историческим памятникам при подготовке к их посещению, поощрять учащихся, «чтобы они обращались к материалам помимо учебника и в этом смысле создавали (подчеркнуто Дж.У. Лёвенем. — *Л.Т.*) историю», и даже гипотетически пожелал, чтобы учебники по истории США для американских школ написали иностранцы, чтобы расширялась палитра взглядов, зачастую более точных, на некоторые исторические события⁷. Непродолжительная поездка по России дала Дж.У. Лёвену основание полагать, что русские основательнее американцев подходят к пересмотру истории, «отраженной в местных памятниках», «лучше понимают необходимость плюралистического подхода к истории, который формулировался в различные периоды»⁸.

Традиционная рубрика «История Канады» в 2000-х гг. неоднократно, хотя не столь часто как хотелось бы, пополнялась статьями канадских специалистов. Тематика статей была различной — российско-канадские контакты, жизнь русских религиозных эмигрантов, интеллектуальная история. Характерно также, что два автора — это потомки выходцев из России. Г.Г. Болотенко опубликовал статью о российско-канадском сотрудничестве в 1914–1917 гг., а именно о строительстве в Канаде ледоколов для России, о чем мало кто знает («АЕ 2001»). Особое внимание российских историков и широких кругов читателей привлекает работа К. Тарасоффа о духоворах

М., 2017. С. 189–196; *Его же*. «С гневом и пристрастием»: биографо-библиографический очерк ранней гуверновской историографии // Американский ежегодник 2018/2019. М., 2019. С. 212–218.

⁷ Лёвен Дж.У. Преподавать подлинную историю // Американский ежегодник 2005. М., 2007. С. 175–176.

⁸ Там же. С. 178.

(«АЕ 2003»), поскольку он сам к ним относится и повествует о своих единоверцах «изнутри». Э. Бертольд из Квебека проанализировал роль и влияние франкоканадского социолога и философа Фернана Дюмона (1927– 1997) на становление и развитие общественных наук современного Квебека («АЕ 2007»).

Следует высоко оценить предпринятые усилия «АЕ» по расширению и укреплению научных контактов отечественных американистов и канадологов с зарубежными исследователями, посредством публикации их статей. Такую практику обязательно надо продолжать и развивать.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА РОССИЙСКУЮ АМЕРИКАНИСТИКУ

И.А. Цветков

Мы отмечаем 50-летний юбилей «АЕ» в условиях формирования новой цифровой цивилизации, которая в той или иной степени корректирует большую часть сложившихся социальных практик. Наука, как общественный институт, в силу своих сущностных особенностей, подвергается особенно мощному воздействию. Основная цель научных занятий – производство и систематизация объективных знаний. Для достижения этой цели к началу третьего десятилетия XXI в. ученые получили в свое распоряжение множество новых цифровых инструментов, полный потенциал которых еще только предстоит раскрыть. Вместе с новыми технологиями приобретения знаний возникла и новая коммуникационная среда, которую многие современные исследователи также рассматривают как позитивный фактор научного развития. Возможность быстрой коммуникации между учеными действительно открывает перед наукой блестящие перспективы, позволяет рассчитывать на «коллективный разум» при решении наиболее сложных и насущных проблем.

Вместе с тем реальный опыт научного общения в цифровую эпоху выявил также и целый комплекс проблем, причем некоторые из них носят почти экзистенциальный характер для академической науки в ее традиционном понимании. Попробуем выявить и охарактеризовать

Цветков Иван Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

эти проблемы применительно к такой дисциплине как американистика.

Прежде всего, необходимо отметить, что воздействие цифровизации на социогуманитарное знание, по-видимому, оказалось гораздо более глубоким и неоднозначным по сравнению с воздействием на точные и естественные науки. Коренные изменения затронули не только метод, но и сам предмет социогуманитарных исследований. Параллельно со старыми общественными связями, изучением которых ученые занимались на протяжении тысячелетий, стали возникать новые, цифровые коммуникации, лишь отчасти подчиняющиеся ранее установленным правилам и закономерностям.

Российские обществоведы и гуманитарии оказались перед лицом новых «цифровых» вызовов в особенно непростой ситуации. В отличие от ученых из других крупных стран, российские исследователи к моменту начала широкого распространения цифровых технологий все еще находились в состоянии эпистемологического шока, связанного с крушением методологического каркаса советской марксистской науки. Общественная репутация академических социогуманитарных наук была в этот период крайне низкой, определенный авторитет удавалось сохранять лишь отдельным ярким ученым.

Именно в такой ситуации в середине 2000-х гг. Россия вступила в эпоху Web 2.0 – период стремительного развития интерактивных интернет-технологий, самой известной и популярной из которых стали социальные сети. Известен поразительный феномен российского «Живого журнала» (Livejournal): в то время, как во всем мире первыми «обитателями» социальных сетей становились студенты и школьники, в России «Живой журнал» стал прибежищем широких слоев интеллигенции, в том числе и тех самых ученых, выброшенных на обочину общественного развития в результате политических катаклизмов.

Новая среда коммуникации давала возможность обсудить, помимо прочего, сложные научные проблемы, ранее поднимаемые лишь на страницах академических журналов, в ходе формальных дискуссий на конференциях, либо в частных беседах. Подключение к обсуждению широкого круга заинтересованных лиц позволяло во многих случаях опираться на мнения профессионалов самого высокого уровня. Вместе с тем сразу стало понятно, что сущностный демократизм социальных сетей, мягко говоря, не способствует тому, чтобы голоса настоящих специалистов были услышаны. Кроме того, для огромного числа ученых «старой закалки» новый формат общения оказался недоступным и по техническим, и по психологическим причинам. В лучшем случае многие из них присутствовали в социальных сетях лишь «в режиме чтения», в роли пассивных наблюдателей.

Американистика как научная дисциплина реагировала на новые вызовы конца XX – начала XXI в. особенно болезненно. В советское время изучение США как основного противника в рамках «холодной войны» находилось под сильнейшим идеологическим контролем со стороны государства. Академическая свобода, обрушившаяся на российских американистов в 1990-е гг., привела к определенной методологической «декомпрессии»: раньше цели и задачи научных исследований (а часто и предпочтительные выводы) задавались директивами «сверху», после же 1991 г. американисты оказались предоставленными сами себе. Даже в рамках сохранившихся и вновь создаваемых научных институций, «коллективная» наука почти прекратила свое существование, уступив место индивидуальным исследовательским проектам.

Социальные сети (в особенности, «Живой журнал» в 2004–2011 гг. и Facebook с 2010 г. и по настоящее время) постепенно превратились для российских американистов в важнейшие центры повседневной и научной коммуникации. Параллельно с ростом популярности социальных сетей в России активно развивалась новая политическая идеология, основанная на тезисе о необходимости восстановления международного статуса России как великой державы. Соединенные Штаты Америки вновь стали рассматриваться в качестве основного внешнеполитического оппонента или даже врага.

Внутриполитическое развитие России в XXI в. сопровождалось неуклонным сокращением академических свобод, однако механизм государственного воздействия на научное сообщество отличался от советской модели жесткого идеологического контроля. Даже в такой чувствительной сфере, как американистика, влияние шло в большей степени по бюрократическим, а не идеологическим каналам. Деятельность университетов и академических институтов была постепенно загнана в рамки строгих бюрократических регламентов, в качестве критерия эффективности научной работы были обозначены формальные показатели публикационной активности и продвижения в разного рода рейтингах.

Следуя экономической логике, большинство российских ученых, в том числе ученых-американистов, были вынуждены включиться в предложенную государством бюрократическую игру. В условиях нарастающей регламентации научной работы в традиционных академических институтах, социальные сети стали превращаться в важнейшее альтернативное пространство неформального научного общения. Вместе с тем ряд особенностей внутренней организации данного пространства уже привел, на наш взгляд, к существенной корректировке базовых представлений о науке как таковой, ее социальных функциях, и, в частности, о смысле и предназначении американистики как научной дисциплины.

Среди наиболее важных особенностей сетевой коммуникации, имеющих значение для исследуемого нами предмета, можно выделить демократичность, риторичность, дискурсивность, склонность к презентизму, визуальность, зависимость от внешних информационных воздействий.

Под демократичностью мы понимаем всеобщую доступность, возможность подключения к любым обсуждениям всех желающих. Важнейшим следствием этого выступает неизбежная десакрализация науки, превращение ученых в обычных участников сетевых разговоров. Принадлежность к уважаемым научным институтам, список научных достижений, конечно, сохраняют свое репутационное значение и в социальных сетях, но все-таки каждый новый пост, каждый новый комментарий, размещенный известным ученым, приближает его по статусу к «простому человеку», обычному пользователю сети, который, как и все остальные, способен ошибаться и не знает точных ответов на большую часть животрепещущих вопросов (например, связанных с выборами в США или перспективами развития американской экономики).

Демократичность социальных сетей ведет не к уничтожению, а к переформатированию института научной репутации. Происходит возвращение к архаичной модели «ученого-мудреца», который завоевывает свой авторитет благодаря риторическим навыкам, способности объяснить, дать совет и прогноз в сложных жизненных ситуациях, а также рассчитывает на внимание со стороны правителей, нуждающихся в подобных советах. Никого всерьез не интересует научная методология «мудреца», источник его глубоких познаний и интуиций. Риторическая эффективность отдельно взятого ученого-блогера оказывается для сетевой аудитории важнее научной обоснованности и достоверности результатов, представленных сотрудниками академических институций в традиционных форматах статей и монографий.

Дискурсивный характер разговоров в социальных сетях, склонность всех участников общения к бесконечным спорам по любым поводам, приводит к неизбежному редуцированию сложных тем, их сведению к нескольким сюжетам, удобным для поддержания бесконечных, самовоспроизводящихся дискуссий. В частности, обсуждение истории и политики США в социальных сетях, даже когда в дискуссии участвуют известные ученые-американисты, часто сводится к архетипичным вопросам о расовом неравенстве, военных интервенциях, государственном долге и т.п. Конечно, внешне это выглядит перспективнее и интереснее споров советских ученых о пережитках феодализма накануне Американской революции XVIII в., но, по сути, представляет собой наглядное опровержение расхожего утверждения о том, что в спорах рождается истина. В сетевых спорах истина, в огромном большинстве

случаев, совершенно точно не рождается. Гораздо чаще мы наблюдаем лишь самоутверждение одних участников дискуссии за счет других, менее опытных и психологически подготовленных.

Споры об Америке в российских социальных сетях приобрели особенно ожесточенный характер в связи с официальным государственным антиамериканизмом. Идеология, от которой американистика, как казалось, избавилась после 1991 г., теперь снова активно в нее проникает, и именно социальные сети превратились сегодня в основную арену идейного противостояния критиков и защитников американской цивилизационной модели. Формально это противостояние существует отдельно от науки как общественного института, но сегодня трудно представить себе российского американиста, который развивает какую-либо активность в соцсетях и остается в стороне от данного противостояния. Заниматься изучением США в современной России и смотреть на предмет своих штудий объективно и непредвзято, представляется делом совершенно невозможным.

Под склонностью к презентизму участников сетевого общения мы понимаем их стремление рассматривать, в первую очередь, современные актуальные вопросы и использовать исторические свидетельства лишь в качестве аргументов, иллюстраций или развлекательных анекдотов. Для российской американистики подобный презентистский уклон в массовом сознании особенно некомфортен, учитывая, что американистика как научная дисциплина формировалась в нашей стране сначала на базе академической истории, а затем в советский период — исторического материализма. До сих пор многие российские американисты, особенно среднего и старшего поколения, — историки по основной научной специализации.

Для того чтобы быть «на одной волне» с пользователями социальных сетей, историки-американисты вынуждены подстраиваться под их мировоззрение. В частности, жанр исторического анекдота привлекает гораздо большую аудиторию, чем рассуждения о критике исторических источников или проблемах периодизации. Визуальное представление данных в виде графиков и иллюстраций, старые фотографии и карикатуры, фрагменты кинодокументалистики — все это практически заменило в социальных сетях традиционный аналитический нарратив, который обычно используется историками для представления результатов своих исследований. Довольно часто историки-американисты вынуждены и вовсе отказываться от своей основной специализации, постулируя себя в качестве политологов, экономистов, социологов или даже абстрактных «экспертов».

То, что жанр популярной истории наиболее распространен и востребован в социальных сетях, не вызывает удивления. Однако вместе с ним довольно хорошо заметны и «эзотерические» группы ученых-

гуманитариев, общающихся на узкоспециализированном профессиональном жаргоне, оперирующих «модными» зарубежными методологиями. Конечно, такие группы существовали и в «доцифровую» эпоху, и всегда имели вокруг себя некоторый флер оппозиционности, альтернативности господствующей идеологии. В современных условиях интерес российских американистов к различным постпозитивистским объяснительным схемам, дискурсам конструктивизма и постколониализма также может быть объяснен, помимо прочего, стремлением выйти за пределы примитивного антиамериканизма. Перенесение методологических дискуссий в социальные сети неизбежно влечет за собой их идеологизацию, которая стала заметна сегодня еще сильнее, чем раньше (приверженность той или иной научной методологии в сетевых дискуссиях обычно служит надежным идеологическим маркером).

В «цифровую» эпоху гораздо более заметной стала связь тематики научных исследований с текущей новостной повесткой. Профессиональные ученые, принимающие активное участие в сетевых спорах по острым политическим вопросам, часто и в научной работе отталкиваются от критерия общественно-политической актуальности. Примечательно, что во многих, если не в большинстве, современных российских научных трудах по американистике авторы трактуют актуальность темы именно в общественно-политическом, а не научном ключе. То есть подразумевается, что тематику занятий ученому диктуют политические события, а не логика развития научного познания. В результате многие американисты вынуждены больше интересоваться действиями политиков, а не научными достижениями коллег по цеху.

Подводя итоги, можно сказать, что современная российская американистика уже вряд ли может считаться научной дисциплиной в классическом смысле этого слова. Как и во времена СССР на нее негативно воздействует политическая идеология, хотя характер этого воздействия сегодня совершенно иной. Ученые-американисты формально работают в рамках традиционных научных институтов и университетов (или их современных преемников), но содержательные дискуссии о США гораздо интенсивнее ведутся сегодня в новых цифровых коммуникационных пространствах. Эти дискуссии организованы на принципах, которые трудно назвать научными, направленными на поиск объективного достоверного знания. Такого рода знание не востребовано в современной России ни со стороны государственных структур, ни со стороны гражданского общества.

«АЕ», отмечающий свой 50-летний юбилей, очевидно, является одним из важнейших символов академической исторической американистики в нашей стране, которая выжила, несмотря на все сложности

и потрясения. Ученые, продолжающие работать в этом традиционном жанре, могут показаться оторванными от жизни чудаками, производящими тексты, не нужные и не интересные никому, кроме них самих. Однако важно понимать, что будущее социогуманитарного знания зависит от того, в какой степени академическое сообщество сможет противостоять новым цифровым вызовам. И что в итоге окажется сильнее: неумолимая логика цифровой коммуникации в социальных сетях, определяющая форму и содержание наших размышлений об общественном развитии, или вековая традиция научного познания мира, опирающаяся на принципы объективности и историзма. Для того чтобы сохранить свое место под солнцем, академической науке надо всерьез озаботиться проблемой «стратегической коммуникации», адекватной репрезентации своих достижений в новом цифровом пространстве.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРСПЕКТИВАХ

Н.И. Егорова

Прежде чем перейти к своим соображениям, вызванным докладом В.В. Согрина и размышлениями о будущем «АЕ», мне хотелось бы вспомнить тех, кто давал путевку в жизнь первым выпускам издания с 1971 г., стремился поддерживать его изначально высокий научный уровень. В первую очередь необходимо назвать академика Г.Н. Севостьянова. Будучи ответственным секретарем «АЕ» в 1970–1980 гг., я имела возможность непосредственно наблюдать, насколько Григорий Николаевич как заведующий Сектором (позднее – Отделом) истории США и Канады был активно вовлечен в формирование «портфеля» «АЕ», обсуждение достоинств и недостатков представленных статей, инициировал работу членов редколлегии, представленной ведущими, тогда в основном отечественными, американистами. Много сил и времени тратила на скрупулезную редакторскую работу д.и.н. И.А. Белявская, которая была заместителем ответственного редактора. Заседания редколлегии с приглашением ее членов, не являвшихся сотрудниками Института всеобщей истории АН СССР (ныне – РАН), отличались корректным отношением к авторам статей, стремлением оценивать научную ценность материала, несмотря на господствовавшие в то время идеологические ориентиры. Лучшие традиции

Егорова Наталия Ивановна – доктор исторических наук.

работы редколлегии сохранились и после того, как «АЕ» возглавили академик Н.Н. Болховитинов, д.и.н. В.В. Согрин. Свой позитивный вклад внесли и д.и.н. Б.М. Шпотов, в качестве заместителя ответственного редактора, и к.и.н. Л.М. Троицкая (которая прошла путь от ответственного секретаря до заместителя нынешнего ответственного редактора В.В. Согрина), и неизменный «библиограф» издания (в настоящее время ответственный секретарь) Т.Ю. Лаврентьева.

Обращаясь к тексту доклада Согрина, необходимо отметить, что его значительная часть посвящена критическому рассмотрению категории «публичной истории», которая укрепляет свои позиции в современной историографии, и ее отличий от «профессиональной историографии». В данном широком контексте, с акцентом на приоритете профессионализма, автором доклада намечены основные стратегические направления развития «АЕ». Речь идет о необходимости продвижения в изучении экономической истории США; обращении к малоизученным аспектам социальной истории и эволюции либерально-демократических основ американской политической системы; о новациях в исследовании вопросов внешней политики; расширении тематики американской национальной ментальности.

С обозначенными перспективами нельзя не согласиться. По большому счету «АЕ» является единственным изданием, дающим возможность исследователям-американистам публиковать материалы по всем периодам истории США, от колониального периода до XX в., особенно по внутривнутриполитической тематике. Если посмотреть на выпуски такого журнала, как «США и Канада: экономика, политика, культура», то мы найдем там крайне мало статей по американской истории, не относящейся к современности¹.

Поэтому, на наш взгляд, учитывая наличие в МГУ, С.-Петербургском университете, в котором 25 лет существует кафедра американских исследователей, в региональных университетах Томска, Тамбова, Кирова, Нижнего Новгорода, Курска, Саратова и других городов ученых-американистов, было бы полезным в полной мере придать «АЕ» функции координатора научной деятельности российских специалистов по изучению истории США. Опубликованный в ежегоднике

¹ Например, статья Белова С.И. «Объединяющий нарратив истории Гражданской войны в США как элемент политики памяти» (США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 11. С. 46–59) написана скорее в русле исследования феномена «публичной», нежели конкретной истории. Статья Костырченко В.Н., Сирватко П.А. «Фронт: генезис, основные положения, развитие» (США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 2. С. 72–82) отсылает читателя к роли американской идеологии. Статья Садакова Д.А. «Политика США по нуклеаризации Корейского полуострова в 1956–1957 гг.» (США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 3. С. 110–122) тесно связана с вопросом ядерной программы КНДР.

в 2005 г. Л.М. Троицкой обстоятельный обзор основных направлений деятельности этого издания за 1998–2004 г. заканчивается выражением надежды, что он «останется своеобразным координационным центром отечественной американистики»². Однако это не должно выражаться только в публикации статей американистов из различных регионов РФ. Следует уточнить наличие специальных центров, программ и проектов, связанных с изучением истории США в российских вузах. Наладить или оживить контакты с их ответственными представителями, предложить им опубликовать информацию об их коллективной деятельности в данной сфере, поделиться с коллегами своим опытом и планами на будущее. На наш взгляд, это позволит «держать руку на пульсе», способствовать проведению совместных научных мероприятий.

Конечно, сформулированные В.В. Согриным предложения по дальнейшему развитию «АЕ» потребуют повышенного внимания к подготовке редколлекцией «портфеля» данного издания. Как следует членам редколлекции осуществлять эту работу: производить отбор из присланных статей по озвученным в докладе направлениям, или же заказывать статьи по определенной теме соответствующим специалистам? Можно подумать и о подготовке отдельных тематических выпусков, как это делают в редколлекции ЭНОЖ.

В заключение хочется поблагодарить всю редколлекцию «АЕ» за большую и важную работу, сохранение в издании лучших академических традиций в непростые времена, а также пожелать воплощать в жизнь те новации, которых требует современная американистика.

«НА ВОЛНАХ МОЕЙ ПАМЯТИ...»

Н.В. Курков

Пятьдесят лет... Это целая эпоха, золотой век отечественной исторической американистики. Благодаря подвижническим усилиям основателя, ответственного редактора ежегодника академика Г.Н. Сев-

² Троицкая Л.М. «Американский ежегодник» (1998–2004): основные направления деятельности // Американский ежегодник 2005. М., 2007. С. 303.

Курков Николай Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Историко-филологического института. ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет».

стьянова и ответственного редактора профессора В.В. Согрина «АЕ» стал и остается главным отечественным периодическим изданием по истории США и Канады, объединяющим и консолидирующим творческую энергию российских историков-американистов. Мы выражаем нашу искреннюю признательность бессменному заместителю ответственного редактора Л.М. Троицкой и ответственному секретарю редколлегии «АЕ» Т.Ю. Лаврентьевой, составителю библиографии, благодаря которой у нас есть доступ к бесценной исчерпывающей информации о выходящих в свет работах по истории США и Канады на русском языке.

Мне посчастливилось опубликовать в этом издании в 1973–2020 гг. 20 научных статей и документальных очерков. Это годы моей работы в Институте всеобщей истории в качестве научного сотрудника Центра североамериканских исследований, а затем с 1997 г. – в Историко-филологическом институте Московского государственного областного университета в качестве профессора. «АЕ» предоставляет исследователям самые широкие, подчас неограниченные возможности для реализации творческих замыслов. Ваш покорный слуга открывал свои публикации с исследования проблем тред-юнионистского движения США; затем последовал ряд статей по истории Русской Православной Церкви в Америке. Доминирующей, главной тематикой моих исследований стали роль и место русской оперной классики в музыкальной культуре США. Начиная с «АЕ 2007» я напечатал по этой теме пять публикаций. На этой основе мною подготовлена и опубликована монография «Опера России в музыкальной культуре США (первая половина XX века)»¹. Музыкальная культура... В связи с этим считаю уместным процитировать поразительное по глубине и на первый взгляд парадоксальное высказывание отечественного культуролога и искусствоведа Г. Иванкиной: «Сейчас мы все чаще обращаемся к искусству – оно вечно, а мы не знаем будущего... Грядущее, увы, не просматривается, но есть уроки прошлого»². Какова моя точка зрения? Я считаю, время покажет, что, как и почему и все расставит по своим местам. Дорогие коллеги! Поздравляю всех, редколлегию и авторов «АЕ» с этим славным юбилеем.

¹ Курков Н.В. Опера России в музыкальной культуре США (первая половина XX века). М., 2017.

² Завтра. 2020. Июнь. № 22. С. 7.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н.А. Цветкова

Социальные сети и большие данные сформировали новый вектор во внешней политике США под условным названием «цифровая внешняя политика», что позволило ученым создать и новое научное направление. Историографию по «цифровой внешней политике» США можно рассматривать с точки зрения ее хронологической эволюции и на этом основании обозначить три этапа, причем все они имеют общую черту – преобладание работ, обладающих всеми чертами презентизма, и существенный дефицит изысканий глубокого и объективного характера.

Вопросы о презентизме, «публичной» и профессиональной истории, снижении качества источниковедческого анализа неоднократно обсуждались на «круглых столах» Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, а также на страницах «АЕ» и публикаций В.В. Согрина¹. Однако появление нового научного направления в области изучения цифровизации требует вновь вернуться к рассмотрению этих вопросов.

В набирающей обороты историографии о «цифровой дипломатии и внешней политике» США проблемы историзма и презентизма стоят остро в силу того, что данные вопросы и результаты исследований используются во внутренней политике и пропаганде в самых разных странах. Достаточно вспомнить международную проблему суверенизации Интернета, которая обсуждается с точки зрения неприкосновенности интернет-пространства отдельных стран; проблему принятия законов по контролю за социальными сетями; проблему свободы слова и особую политику администрации социальных платформ Facebook, Twitter, YouTube и т.д. в отношении закрытия профайлов пользователей. Все эти проблемы подпитываются аналитическими и научными статьями различных исследователей в области цифровизации,

Цветкова Наталья Александровна – Ph.D. (Groningen University, Netherlands), доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой американских исследований. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

¹ *Согрин В.В.* Методология современной американистики // Американский ежегодник 2018/2019. М., 2019. С. 11–23; *Его же.* Профессиональная, пропагандистская и обычательская историография // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 185–203; *Его же.* Профессиональная американистика и информационные войны // Американский ежегодник 2016. М., 2017. С. 290–299.

многие из которых никогда не изучали США, но в силу технологического лидерства Америки в этой области, исследователи вынуждены обращаться к изучению американских реалий.

Первый этап в развитии историографии по изучению «цифровой внешней политики» США пришелся на годы администрации Б. Обамы, когда рост числа пользователей Интернета и события на международной арене, связанные с применением социальных сетей в интересах оппозиционных движений, привлекли внимание огромного числа экспертов, политиков и ученых. Лидерство США в развитии цифровых инструментов дипломатии, которое проявилось в период «арабской весны» и «твиттер-революций», обусловило появление первой волны работ с разной долей критики США².

Соединенные Штаты в силу своего технологического лидерства оказались основным объектом для изучения специалистами из самых разных дисциплин, включая антропологов, социологов, специалистов по коммуникационным технологиям и т.д. Среди них было незначительное число профессиональных американистов. В итоге появился мозаичный пул исследователей, который включал представителей разных дисциплин, но которые не особенно глубоко понимали механизм и ценностные основы политики и дипломатии США. Конъюнктурные оценки «цифровой внешней политики» США использовались для объяснения развития протестного движения, а в России прочно укоренился научный и политический дискурс о «цветных революциях» и о влиянии США на дестабилизацию политических режимов при помощи социальных сетей³. Презентизм в оценках роли «цифровой дипломатии» США во всех протестных акциях в России, Иране, Китае, Венесуэле и пр. оказался основой для «новой публичной» истории. В США на этой волне появилась серия аналитических изысканий о цифровом вмешательстве России во внутриамериканские дела⁴.

Однако профессиональные историки, как на Западе, так и в России, старались оставаться в рамках научного дискурса в области изучения «цифровой внешней политики» США и цифровизации в целом, предложив строгий понятийный аппарат, методы исследования и объяснение политических действий США на основании фундированных знаний и принципа историзма. Профессиональные историки рекон-

² См., напр.: *Khatib L., Dutton W., Thelwall M. Public Diplomacy 2.0: A Case Study of the US Digital Outreach Team // Middle East Journal. 2012. Vol. 66. No. 3. P. 454–472.*

³ Подробнее о формировании данного научного и политического дискурса в России и зарубежных странах см.: *Цветкова Н.А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 940–950.*

⁴ Подробнее см.: *Tsvetkova N. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power // Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice / Ed. by A. Velikaya, G. Simons. London; N.Y., 2020. P. 103–117.*

струировали эволюцию развития интернет-политики, закрепили термин *digital diplomacy*, а также классифицировали такой новый тип источника, как посты и твиты из социальных сетей⁵.

Второй этап в развитии историографии ознаменован уже более глубоким комплексным пониманием процессов цифровизации, в которую стали включать «цифровую дипломатию», информационную безопасность и кибербезопасность, цифровое голосование на выборах, а также вопросы глобального управления Интернетом. Произошло разделение научных направлений в области изучения «цифровой внешней политики» США, что еще больше подогревало интерес к изучению Соединенных Штатов, поскольку все цифровые проблемы замыкались на Вашингтоне. В какой-то момент стало понятно, что американисты, которые активно публиковались по вопросам внутренней и внешней политики США, отстают от специалистов смежных дисциплин. Последние стали применять верифицированные методы анализа социальных сетей, что открыло любопытные детали работы внешней политики США. Однако они мало внимания уделяли исторической обусловленности тех или иных действий американцев на международной арене, источникам и историографии, что делало их работы описательными, а порой и ангажированными⁶.

Огромную роль в развитии историографии сыграла возможность использования различных компьютерных алгоритмов для исследования социальных сетей. Начался бум в изучении внешней политики и дипломатии с точки зрения действий США в различных социальных платформах, включая Facebook, Twitter, YouTube и т.д. Эксперты сравнивали подходы США с другими странами, подпитывая ангажированность темы и пропаганду. В научном обороте сформировалось устойчивое представление о политизации социальных сетей — об априорном использовании Интернета в качестве политического инструмента. Этот дискурс повлиял на работу профессиональных историков и политологов в разных странах, которые стали рассматривать «цифровую дипломатию» как деструктивный политический инструмент⁷.

⁵ Cull N.J. The Long Road to Public Diplomacy 2.0: The Internet in US Public Diplomacy // *International Studies Review*. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 123–139; Цветкова Н.А. Программы Web 2.0. в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109–122.

⁶ Подробнее см.: Алхименков М.А. Социальные сети и современная интернет-дипломатия США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 11. С. 52–66; Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // *Индекс безопасности*. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 213–228.

⁷ Подробнее см.: Цветкова Н.А. Дискурс «цветных революций» // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 2. С. 940–950.

Актуальность темы и ее популярность среди политического истеблишмента разных стран сформировали особую проблему в историографии. С одной стороны, использование компьютерного софта, навыки программирования или особых приложений для анализа «цифровой внешней политики» США выдвинули на первые позиции новое поколение ученых и обогатили существующую историографию о США; но с другой – вскрылась проблема отрыва анализа «цифровой политики» США от основополагающих знаний источников, историографии и пр., принятых в традиционной исторической американистике. Итогом стало расширение использования в пропаганде и внутренней политике материалов исследований, не соответствующих высоким академическим критериям.

На этом этапе стали появляться научные профессиональные изыскания, выполненные командами американистов и программистов, с учетом фундаментальных знаний внешней или внутренней политики США. Однако результаты исследований показывали ограниченность в интерпретации данных из социальных сетей специалистами гуманитарного и социального профиля⁸. Тема «Цифровая внешняя политика США» требовала постановки ясных исследовательских задач, которые могли быть реализованы только при поддержке профессиональных программистов, что, в свою очередь, потребовало от американистов знания и понимания функционирования социальных сетей.

Третий этап в развитии историографии связан с явлением датафикации, которое заключается в бурном росте «цифровых следов» и «больших данных» в Интернете, а также значительном росте возможностей по использованию аналитики «больших данных» в политических целях. Самыми видимыми следами датафикации является, например, деятельность Д. Ассанджа по обнародованию секретных документов, включая публикацию переписки Национального комитета Демократической партии во время президентской избирательной кампании 2016 г. или деятельность журналистов и блогеров по расследованию коррупционных схем и пр. Все они основаны на анализе данных из социальных сетей при помощи компьютерных программ. Такие события, как новая политика администрации Twitter и Facebook по закрытию профайлов отдельных политиков антилиберального толка или российские законодательские инициативы о суверенизации Интернета также относятся к феномену датафикации в международных отношениях. «Большие данные» превратились в инструмент политики и проблему в международных отношениях.

⁸ См., напр.: *Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I. Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 1–15.*

Новая цифровая реальность оказала огромное влияние на работу профессиональных историков в области изучения внешней политики США. Стало ясно, что изучение вопросов, связанных с цифровизацией, требует навыков в области анализа «больших данных» даже при изучении самых простых направлений работы американского правительства в этой сфере. Оказалось, что методы описания, наблюдения или сравнительного и документального анализа позволяют изучить только малую часть «цифровой внешней политики» США – стратегии, планы, интенции, и механизм, – оставляя за кадром вопросы эффективности, результатов и способов продвижения политической повестки в сети Интернет.

В итоге научное направление «Цифровая внешняя политика США» находится на этапе разрешения той же дилеммы, которая волновала научную публику в период апробации количественных методов исследования: молодые специалисты профессионально владеют новыми методами для анализа цифровой реальности, но недостаточно знакомы с академической традицией изучения США, а специалисты в области изучения США прекрасно владеют историографией, источниками и техникой исследования традиционных вопросов внешней политики, а также пониманием американских ценностей, но не имеют навыков анализа социальных сетей и в конечном счете и не могут предложить качественный анализ современного состояния внешней политики и дипломатии США. Однако между этими двумя историографическими ситуациями есть и серьезные различия: количественные методы являлись только лишь методом научного анализа, а анализ социальных сетей и аналитика «больших данных» являются не только частью науки, но и в значительной степени частью реальной мировой политики и практики, которую невозможно игнорировать в научном изучении США.

Однако, несмотря на вызовы, которые объективно сопряжены с появлением нового научного направления, работа профессиональных историков и американистов как никогда востребована для воспитания нового поколения междисциплинарных исследователей, работающих на стыке «цифровой дипломатии», кибербезопасности, внешней и внутренней политики США. Наша основная задача, которую всегда поддерживал «АЕ», – это передача исследователям «цифровой внешней политики» профессиональных навыков изучения США через источники, с опорой на профессиональную историографию.

ВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА. КАРИКАТУРА КАК ИСТОЧНИК

Т.В. Алентьева

Пятьдесят лет «АЕ» – несомненно, знаковая и знаменательная дата, время подведения итогов и определения перспектив. В отношении перспектив В.В. Согрин замечательно определил круг еще недостаточно изученных проблем. Его новая монография об американской цивилизации¹ также наилучшим образом ориентирует на изучение истории США с позиций цивилизационного подхода, на углубленное изучение национальной идентичности и ментальности. Что касается итогов, не могу не отметить возросший в постсоветский период интерес на страницах «АЕ» к проблемам образования и культуры, к расширению источниковедческой базы исследований. В связи с этим мне хотелось бы остановиться несколько более подробно на особом значении визуальных источников, в частности карикатуры.

По мнению некоторых зарубежных ученых, в конце прошлого века на смену лингвистическому повороту в истории пришел визуальный поворот, связанный с необходимостью интеграции гуманитарных наук, с развитием междисциплинарности в исторических исследованиях, с появлением новых представлений о визуальности, ее значения и роли в современном обществе². Становление «публичной» истории, направленной на сближение профессиональной историографии с историей для широкой аудитории, отражает потребность общества в «живой истории», эмоционально насыщенной картине прошлого. Это не снижает ответственности профессиональных историков за научность и объективность их исследований. Совершенно справедливо В.В. Согрин подчеркнул, что приоритет должен оставаться за профессионализмом.

И все же сложившаяся ситуация постепенно меняет отношение профессиональных историков к комплексу источников визуального характера, ранее использовавшихся, как правило, в качестве иллюстративного вспомогательного материала. Приходит понимание, что они

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, руководитель научной лаборатории «Центр изучения США». ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

¹ Согрин В.В. Американская цивилизация. М., 2020.

² Evans J. Historicizing the Visual // German Studies Review. 2012. Vol. 35. No. 3. October. P. 485–489; Lemercier C., Zalc C. Visualizing History // Lemercier C., Zalc C. Quantitative Methods in the Humanities: An Introduction. Charlottesville, 2019. P. 126–141.

обладают самостоятельной ценностью, помогают углублению представлений о прошлом, позволяют более зримо представить его облик. Значение визуальных источников возрастает в связи с информационной революцией, с появлением новых технологий, постепенно меняющих исследовательские практики историка. Однако в исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, и имеет свои особенности, поскольку визуальные источники традиционно рассматривались в контексте исключительно историко-культурной проблематики. Сложность интерпретации визуальных источников в том, что историческая реальность переосмысливается не в формате нарратива, а в контексте истории образов.

Интерес к визуальным источникам в современной историографии, несомненно, возрастает. Все чаще фотографии, кинодокументы, теле, видеозаписи включаются в исторические исследования, становятся самостоятельным полем исследования. Гораздо сдержаннее профессиональные историки относятся к произведениям художественного творчества визуального плана, к которым можно отнести карикатуру. Пионером в широком привлечении карикатуры в качестве источников явилась В.И. Журавлёва в ее фундаментальной монографии и многочисленных статьях³.

Интерес к карикатуре, прежде всего политической, не случаен. Карикатура – один из видов изобразительного искусства, причем очень древний, поскольку высмеивать человеческие пороки и недостатки всегда было необходимо для общества, а особенно если таковые находились у политиков или видных представителей элиты. Термин «карикатура», как считается, восходит к творчеству Леонардо да Винчи, и впервые использован Аннибале и Агостино Карраччи в конце XVI в. применительно к изображениям откровенно гротескного характера⁴.

Ирония, сатира, сарказм, обличение у карикатуристов были не только критикой всего, что заслуживало осмеяния, они связаны с утверждением положительного идеала, для достижения которого нужно было бороться с предрассудками, консерватизмом мышления, пороками и преступлениями власть предержащих. Не случайно, именно политические темы были наиболее излюбленными для художников. Посредством культуры смеха они выражали общественное мнение, собственную гражданскую позицию, обличая и высмеивая известных политических деятелей.

³ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012; *Ее же*. Визуализация дискурса идентичности: русский «другой» в американской политической карикатуре // *Американцы в поисках идентичности*. М., 2013. С. 364–398.

⁴ *Hofmann W.* Caricature from Leonardo to Picasso. N.Y., 1957. P. 16.

В XIX в. американская карикатура превратилась в грозное политическое оружие, в разящее оружие смеха благодаря усилиям целой плеяды талантливых художников (Уильям Чарльз, Эдуард Клей, Генри Робинсон, Джон Маги, Фрэнк Беллью, Луис Маурер, Томас Наст). В своем творчестве они особым образом оценивали такие знаковые периоды истории, как «джефферсоновская демократия», англо-американская война 1812–1815 гг., «джексоновская демократия», «назревание неотвратимого конфликта», Гражданская война и Реконструкция, позолоченный век⁵.

Политические карикатуры по большей части состоят из двух элементов: пародирования конкретных личностей и аллюзии, которая создает ситуацию или контекст, в который они помещаются. Помимо визуального объекта, в карикатуре всегда есть вербальная составляющая, аналогия или намек на определенный исторический, политический, мифологический, библейский или литературный факт, закрепленный в текстовой культуре или в разговорной речи. В то же время карикатура опирается на уже сложившиеся архетипы общественного сознания, создавая запоминающиеся упрощенные и схематические образы – стереотипы. В создании стереотипов используются эмоциональные и иррациональные факторы. Именно это помогает карикатуре создавать мифологемы и заниматься мифотворчеством. И это делает ее беспощадным оружием в политической борьбе, что хорошо осознавали современники. Вот что писала «The Nation» в 1866 г.: «В целом мы едва ли можем считать карикатуру приятным или особенно полезным искусством, ибо честность и добродушие почти невозможны в ее практике <...> справедливость выбора определенных личностей в качестве объектов смеха всегда может быть сомнительна»⁶.

Юмор является грозным оружием, именно поэтому карикатура – один из наиболее действенных и доходчивых видов политической пропаганды. Причем важно отметить, что карикатура – сложный исторический источник, так как представляет собой срез культурной памяти народа с определенным набором культурных кодов, отражает его историческую память и коллективное бессознательное. Широкое привлечение и углубленное изучение политической карикатуры, не только в рамках XIX столетия, представляет собой огромное поле для дальнейших исторических исследований.

⁵ Алентьева Т.В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877). СПб., 2020.

⁶ The Limits of Caricature // The Nation. 1866. July 19.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ США В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АМЕРИКАНИСТИКЕ

Д.В. Кузнецов

Весьма актуальным, учитывая все более растущую активность широкой общественности в общественно-политической сфере многих стран мира, представляется изучение такого феномена, как общественное мнение. На наш взгляд, в США общественное мнение следует рассматривать как один из факторов, определяющих состояние дел в самых разных сферах жизни общества. Это вынуждает при рассмотрении текущей внутренней и внешней политики страны и ее истории, правовой и экономической системы США, американского общества и его культуры, повседневной жизни общества обращаться к анализу состояния общественного мнения, в том числе в исторической ретроспективе.

За последние несколько десятилетий в отечественной американистике были достигнуты значительные успехи в изучении общественного мнения США. Следует упомянуть целую группу советских ученых, научные интересы которых были связаны с проблемами общественного мнения США: М.М. Петровская, Г.Л. Кертман, И.Е. Малашенко, А.Ю. Мельвиль, А.И. Никитин, Н.П. Попов, Т.В. Кузнецова и др. В 1990–2010-е гг. в нашей стране был сделан довольно существенный шаг вперед на пути исследования такого феномена, как общественное мнение, в том числе в контексте существующей в настоящее время системы международных отношений (Б.З. Докторов, Т.В. Алентьева, С.О. Буранок, Д.В. Кузнецов и др.). Однако, даже несмотря на это, в отличие от отечественных исследователей, зарубежные специалисты, в течение десятилетий исследуя многочисленные аспекты общественного мнения США, ушли далеко вперед, в связи с чем первые должны приложить максимум своих усилий для того, чтобы этот разрыв был если не ликвидирован полностью, то хотя бы сведен до минимума.

Наиболее перспективным, на наш взгляд, направлением в области изучения общественного мнения США представляется обращение к анализу процесса взаимовлияния внешней политики и общественного мнения в США, показателей американского общественного мнения по актуальным международным проблемам. В США, стране с достаточно устойчивыми демократическими традициями в большей, чем

Кузнецов Дмитрий Владиславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории философии и культурологи. ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет».

во многих других государствах степени, существует зависимость внешней политики от общественного мнения, что со всей определенностью обнаружилось после войны во Вьетнаме (1964–1973), а в последние десятилетия – в связи с войнами, которые США вели в Афганистане и Ираке. Учитывая, что в своей внешней политике США достаточно часто прибегают к использованию военной силы, особую значимость фактор общественного мнения приобретает в связи с существованием такого феномена, как «вьетнамский синдром» и его современными версиями («афганский синдром», «иракский синдром» и т.п.).

Рассмотрение указанных проблем позволяет сделать еще один шаг вперед на пути к более глубокому пониманию особенностей американского национального характера, помогает разобраться в сущности внешнеполитического менталитета американцев, идейными основами которого являются «американская мечта», концепция «американской исключительности», миф о «явном предназначении» или «предопределении судьбы», идея «мессианства», концепция *Rex Americana*, а также выявить важнейшие характеристики внешнеполитического менталитета американцев (алармизм, идеализм и реализм, концепция *Realpolitik*, морализм, изоляционизм и интернационализм, интервенционизм, амбивалентность и др.).

При изучении общественного мнения США, безусловно, возникает вопрос по поводу источников, посредством обращения к которым становится возможным реконструкция картины общественного мнения. Опросы – это, пожалуй, самый универсальный способ фиксации существующих в обществе мнений относительно каких-либо проблем. Отражая отношение различных слоев американского общества к тем или иным актуальным, с точки зрения жителей США, проблемам, социологические опросы и их результаты имеют наибольшую ценность для исследования, связанного с изучением общественного мнения и представляют собой самый универсальный способ получения информации о существующих в обществе взглядах по какой-либо проблеме.

Ответ на вопрос, возникающий со стороны тех, кто не склонен рассматривать такой феномен, как общественное мнение в качестве самостоятельно действующей реальности, расценивая его как результат неких манипуляций, в связи с достоверностью указанных источников может быть дан следующий: признавая, что результаты опросов общественного мнения могут быть соответствующим образом подготовлены путем предварительного (в нужном ключе) конструирования опросного листа (опросника), мы тем не менее считаем, что в настоящее время опросы общественного мнения представляют собой самый универсальный способ получения информации о существующих в обществе взглядах по какой-либо проблеме. Фактически это есть своеобразный «фотографический снимок», отражающий настроения людей

в отдельный конкретный момент. В свою очередь, опросы, проводимые в мониторинговом режиме, позволяют выявить определенную динамику общественного мнения.

Между тем не следует рассматривать общественное мнение исключительно сквозь призму проводимых среди населения социологических опросов. Необходимо выходить за эти узкие, по нашему мнению, рамки и, тем самым, представлять этот феномен в максимально широком, насколько это возможно, контексте. Представляется, что общественное мнение получает свое выражение в разнообразных формах, а как его субъект (носитель) общественность использует для этого различные каналы. Важно учитывать многомерность общественного мнения, т.е. учитывать то, что субъектом общественного мнения выступает не только общественность в целом, измеренная статистически, но и отдельные группы населения. В США, где общественное мнение трактуется как «высказанное мнение группы людей относительно проблем, представляющих общий интерес и вызывающих беспокойство», оно традиционно «расщепляется» на две составляющие части – мнение элиты и мнение масс. Отсюда – следует говорить о нескольких, по крайней мере, трех основных «срезах» общественного мнения: мнении элиты, мнении общественности, а также мнении, представленном в средствах массовой информации (СМИ) США. Отдельно можно выделить еще один «срез» общественного мнения – мнение представителей политико-академического сообщества США, являющихся так называемыми лидерами мнений.

Указанное обстоятельство позволяет привлекать к работе, проводимой в рамках научных разработок, посвященных проблемам общественного мнения США, исследований, которые приобретают характер междисциплинарных, самые разнообразные источники: результаты опросов общественного мнения, материалы средств массовой информации, публицистические работы, мемуары и др.¹ Это помогает осуществить максимально полную, насколько это возможно, реконструкцию общественного мнения по проблемам, вызывающим интерес

¹ Вместе с тем зачастую исследователи сталкиваются с проблемой, связанной с поиском источников, позволяющих реконструировать картину общественного мнения относительно тех или иных проблем, вызывающих интерес в обществе, в особенности если речь идет о реконструкции этой картины в исторической ретроспективе. Учитывая это, в настоящее время мы готовим к публикации сборник «Внешняя политика и общественное мнение в США. Результаты опросов общественного мнения, проведенных в США, 1935–2020/2021 гг.», который имеет своей целью помочь в решении этой проблемы и обеспечить исследователей в области американистики материалами, с помощью которых можно, опираясь на данные, полученные в результате опросов, осуществить реконструкцию конфигурации общественного мнения по проблемам внешней политики США на протяжении достаточно длительного периода. Публикация будет осуществлена в форме электронного издания.

у широкой американской общественности, а также представить разнообразную «палитру» мнений.

Материалы, которые будут содержаться в сборнике «Внешняя политика и общественное мнение в США. Результаты опросов общественного мнения, проведенных в США, 1935–2020/2021 гг.», предназначены для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов-историков, в первую очередь американистов, а также политологов и социологов. Хочется надеяться, что предпринятая автором-составителем данного сборника попытка сбора в одном издании результатов опросов общественного мнения, которые в течение 1935–2020/2021 гг. были проведены в США и были посвящены проблемам внешней политики, будет способствовать активизации исследований, связанных с изучением общественного мнения США.

Изучение такого феномена, как общественное мнение, безусловно, представляет собой одно из наиболее перспективных направлений в современных гуманитарных науках, в том числе в американистике. Использование междисциплинарного подхода в исследованиях, посвященных различным аспектам процесса формирования и функционирования общественного мнения, в основе которого лежит привлечение последних достижений в таких научных дисциплинах, как история, политология и социология, психология, является важнейшим условием, обеспечивающим результативность этих исследований.

«ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ» И «АМЕРИКАНСКИЙ ЕЖЕГОДНИК»

А. С. Ходнев

Девятнадцатого января 2021 г. на популярном в Республиканской партии США портале «Федералист» появился комментарий под заголовком «Многорасовая комиссия 1776 г. призывает к честным исследованиям об американской истории, а левые предсказуемо называют ее концепцию расистской»¹. Речь шла в этом материале о комиссии,

Ходнев Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории. ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

¹ Federalist. January 19, 2021 (<https://thefederalist.com/2021/01/19/multiracial-1776-commission-calls-for-honest-scholarship-about-american-history-left-predictably-tars-it-as-racist/>).

созданной для подготовки к празднованию 250-летия образования США в 2026 г. президентом Д. Трампом в самом конце срока у власти.

Почти 50 лет прошло с момента, когда Америка пышно отмечала в 1976 г. свой 200-летний юбилей. Заметим, что «АЕ» за 50 лет ставший для российского читателя окном, распахнутым в историю США, появился за 5 лет до этого события, и, очевидно, это отнюдь не случайно. Интерес к американской истории среди читающей публики в СССР был огромным. Он еще возрос не только в связи с политическими событиями, но и был подогрет известиями о том, как США отмечают свой 200-летний юбилей. Размах празднований был необычайным: проведено 88 892 мероприятия и проекта, 115 конференций, 295 семинаров и симпозиумов, 1591 выставка, внесены в учебные планы университетов 1072 курса².

В это самое время в США «публичная история», как новое направление, делала свои первые шаги на волне юбилейных медийных проектов, привлекая внимание американской публики к истории. Слово «публика», несомненно, ключевая часть этого наименования бытования истории в обществе, «публичная история», как правило, отделена от академической истории, появляется вне ее стен по запросам публики, и она ориентируется на ее вкусы. Если суммировать путь, проделанный «публичной историей» в США за 50 лет, получается, что это течение так и не разработало своей устойчивой методологии, использовало «зонтичный» принцип собирания материала для объяснений и интерпретаций, заполнило экспозиции новых музеев, пришло в кино, на телевидение и в театр, создало несколько влиятельных федераций, завоевало новые медиа и интернет-порталы.

Сегодня Соединенные Штаты готовятся встретить 250-летний юбилей. Случай «Доклада 1776» показывает негативные черты «публичной истории» в США. Аксиома заключена в утверждении, что история зачастую связана с политикой, идеологией и властью. Особенно это распространяется на школьную историю, учебники и главные принципы преподавания.

Как и в случае с подготовкой 200-летнего юбилея основания США, все началось за 10 лет до торжества, в конце срока президента Б. Обамы, с принятия в 2016 г. 114-м Конгрессом США Закона 114-196 «Об учреждении комиссии по случаю 250-летнего юбилея Соединенных Штатов и для других целей»³. Однако с приходом в Белый дом президента Трампа многое изменилось. На этот счет имеется хороший анализ положения с историей в эпоху Трампа И.А. Цветкова

² Тихов В.А. История и историки в США. М., 1985. С. 5.

³ Public Law 114–196. July 22, 2016 (<https://www.congress.gov/114/plaws/publ196/PLAW-114publ196.pdf>).

в «АЕ 2020». Многие отмечали «вопиющее невежество Трампа в исторических вопросах, соединенное с его большим желанием активно использовать исторические аргументы, часто с ошибками»⁴. Следовательно, в США с 2016 г. возникло два параллельных процесса: с одной стороны, во многих штатах университеты, академические сообщества и общества любителей истории активно готовили выставки, экспозиции, проекты и конференции к юбилею в 2026 г., а с другой — на уровне Белого дома никаких энергичных действий не происходило, кроме провозглашения президентом Трампом лозунга «Сделаем Америку снова великой».

И.А. Цветков правильно заметил в «АЕ 2020», что поворот к «новой культурной истории» к началу XXI в. изменил дискурс академической историографии в США, и «разнообразные “меньшинства” превратились в трудах американских историков из “соучастников” в главных персонажей американской и глобальной истории»⁵. Национальный нарратив с подчеркиванием особой роли отцов-основателей отошел на второй план, уступив место изучению локальных идентичностей и участия всех групп в истории основания США.

Президент Трамп во время выборов в 2020 г. начал говорить о преподавании истории под лозунгом «Teach American Exceptionalism» и обвинил государственные школы в том, что они преподают ученикам ложную историю. Постановление Трампа о «Комиссии 1776», которая утверждает «патриотическую» учебную программу по истории, появилось 2 ноября 2020 г.⁶ Следовательно, все происходило в крайней спешке и, похоже, было спровоцировано появлением проекта «другой» по идеологии учебной программы — «Проекта 1619», инициированного газетой «New York Times», которая акцентировала прибытие в Виргинию первого корабля с невольниками в 1619 г. и была сосредоточена на изучении последствий рабства и вкладе чернокожих американцев в историю. «Проект 1619» вызвал яростную критику многих «правых», и Трамп, который никогда раньше не проявлял особого интереса к этим темам, увидел возможность своего предвыборного успеха в провозглашении патриотической истории⁷. Несмотря на запоздалое наступление на преподавание истории, текст «Доклада 1776»

⁴ Цветков И.А. Профессия историка в США в эпоху Трампа // Американский ежегодник 2020. М., 2020. С. 296.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ President's Advisory 1776 Commission // Federal Register. 2021. Vol. 86. No. 7. Tuesday. January 12 / Notices (<https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-01-12/pdf/2021-00525.pdf>).

⁷ OAH Statement on White House Conference on American History. September 25, 2020 (<https://www.oah.org/insights/posts/2020/september/oah-statement-on-white-house-conference-on-american-history/>).

был подготовлен в последний месяц пребывания Трампа у власти. Это был один из документов, который подготовил уходящий президент с целью усложнить первые шаги нового президента в какой-то области. В данном случае речь шла о серьезном пересмотре системы школьного образования в США. В начале текста в возвышенных словах указана цель работы комиссии: «Дать возможность подрастающему поколению понять историю и принципы основания Соединенных Штатов в 1776 г. и стремиться к созданию более совершенного Союза»⁸. Далее в тексте изложены в самом общем виде взгляды руководителей и членов комиссии на историю основания США и историю в XIX–XX вв. В текст доклада включены куски старых книг о консервативном воспитании и образовании Л.П. Арнна (председателя «Комиссии 1776») с критикой взглядов прогрессистов на историю.

Реакция на публикацию «Доклад 1776» на сайте Белого дома была стремительной. После вступления в должность президент Байден подписал 17 докладов и меморандумов, отменяющих прежние решения Трампа. Среди них был указ о роспуске «Комиссии 1776» на основании заключения историков о серьезном искажении истории США в «Докладе 1776»⁹. Главные профессиональные организации историков США – Организация американских историков (ОАИ) и Американская историческая ассоциация (АИА) – выразили отчетливый протест против идей «Доклада 1776». В специальном заявлении АИА подчеркивалось, что цель доклада – «превратить незнание прошлого в гражданскую добродетель»¹⁰. Заявление этой ассоциации с осуждением доклада комиссии Трампа поддержал Национальный совет публичной истории (НСПИ)¹¹. ОАИ в специальном обращении 18 февраля 2021 г. к президенту Дж. Байдену поддержала решение о роспуске «Комиссии 1776» и обратила внимание на то, что опасность искажения истории в духе идей доклада сохраняется: несколько консервативно настроенных фондов разместили «Доклад 1776» на сво-

⁸ The 1776 Report. The President's Advisory 1776 Commission January 2021. P. 1 (<https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/72/The-Presidents-Advisory-1776-Commission-Final-Report.pdf>).

⁹ Biden Moves to Cancel 1776 Commission and Undo Trump Policies // The New York Times. 2021. January 20 (<https://www.nytimes.com/2021/01/20/us/politics/biden-executive-action.html>).

¹⁰ АНА Condemns Report of Advisory 1776 Commission (January 2021) ([https://www.historians.org/news-and-advocacy/aha-advocacy/aha-statement-condemning-report-of-advisory-1776-commission-\(january-2021\)](https://www.historians.org/news-and-advocacy/aha-advocacy/aha-statement-condemning-report-of-advisory-1776-commission-(january-2021))).

¹¹ On January 20, 2021, voted to endorse the American Historical Associations, statement condemning the report from «The President's Advisory 1776 Commission» (<https://ncph.org/what-is-public-history/advocacy/>).

их веб-сайтах, доклад продолжает оказывать влияние на публичные политические дебаты об истории и историческом образовании в США. Например, в Арканзасе законодатели штата ввели 21 января изменения в программы государственных школ в духе «Доклада 1776». Поэтому АИА призвала администрацию Байдена поддержать и профинансировать программы по расширению исследований, написанию, преподаванию и «публичному обсуждению сложной истории американской демократии, включая институт рабства и лишение коренного населения собственности». ОАИ начала планировать и вовлекать общественность обеих главных политических партий в обсуждения, посвященные празднованию предстоящей 250-й годовщины Декларации независимости в 2026 г. Ежегодное собрание ОАИ 2021 г. под названием «Пути к демократии» состоялось в апреле и включало в себя множество сессий, «посвященных историческим и недавним событиям, которые бросили вызов демократии и демократическим практикам в США»¹².

Итак, вокруг юбилея 2026 г. складывается непростой контекст, взгляды в обществе на события 250-летней давности разобщены. Что будет доминировать в дискуссиях о «будущем истории»: презентизм, Америка без истории, прыжок в будущее? Реальность такова, что отношение к истории Д. Трампа и его сторонников сохраняется, хотя и вызывает осуждение в профессиональной среде. Сможет ли американская «публичная история» соревноваться в достоверности с академической историей и поддержать все дискуссии о юбилее 1776 г., это вопрос, на который можно будет дать ответ через некоторое время.

Это означает, что должно быть много разной истории Америки на страницах «АЕ». «Публичная история» показывает направление развития общественного интереса к истории в США. Академические историки, несомненно, следят за актуальными темами по истории. Однако «публичная история» в этом отношении может служить хорошей подсказкой, куда двигаться вперед, — не следом за ней, а дальше нее.

¹² OAH Issues an Open Letter to the Biden Administration on the 1776 Report and the «Future of the Past» (<https://www.oah.org/insights/posts/2021/february/oah-issues-an-open-letter-to-the-biden-administration-on-the-1776-report-and-the-future-of-the-past/>).

ТРИ СУЖДЕНИЯ О СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКЕ

И.И. Курилла

В обсуждении предложенных В.В. Согриным тем я хотел бы остановиться на нескольких сюжетах. Один из них – влияние политики на отношение к собственной истории в современных США. С этой проблемой связано первое мое утверждение: в периоды, когда в Соединенных Штатах бушует политический кризис, вовлекающий и историков, внешняя оценка американских процессов может оказаться более объективной и взвешенной. Это открывает возможности для российских американистов в изучении таких аспектов истории США, которые в самой Америке являются крайне политизированными. Российский американист не должен принимать сторону республиканцев или демократов, поддерживать или осуждать Трампа; это свобода, которую сейчас трудно ошутить американским ученым. Это касается не только изучения современных Соединенных Штатов, поскольку американская история тоже стала предметом переосмысления в ходе политических баталий. При этом кризис действительно открывает в прошлом новые грани, подсказывает, какие исследовательские вопросы можно поставить в изучении известных событий, на какие события обратить дополнительное внимание. Американский исследователь исторического образования Дж.У. Лёвен однажды выдвинул в «АЕ 2005» тезис, который только на первый взгляд кажется парадоксальным: «<...> для США было бы лучше, если бы наши учебники по американской истории были написаны представителями другой (подчеркнуто Дж.У. Лёвенем. – *И.К.*) страны!»¹ Подобное можно сказать не только об учебниках, но и о любых текстах на политически значимую тему. В силу сказанного я бы рекомендовал коллегам предлагать своим студентам и аспирантам для изучения и самостоятельного исследования именно такие темы из истории США.

Второе мое утверждение связано с первым, и оно касается изучения истории российско-американских отношений. К сожалению, они тоже оказались в центре политических боев, как в США, так и в России. Объективное их исследование, оказывается, затруднено политически-

Курилла Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор факультета политических наук. АНОО ВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге».

¹ *Лёвен Дж.У.* Преподавать подлинную историю // Американский ежегодник 2005. М., 2007. С. 176.

ми препятствиями. Мне доводилось слышать высказывание от российского коллеги, будто «изучение российско-американских отношений в России в наше время может быть только антиамериканским». В самих США простая объективность в изучении этого предмета в не меньшей степени затруднена. Однако мы видим, что за последние годы в изучении истории отношений России и Соединенных Штатов Америки появились очень любопытные результаты, как на русском, так и на английском языке. Особенность этой новой волны изучения российско-американских контактов состоит в их преимущественном внимании к культурной составляющей, при которой, собственно, политика либо не затрагивается вовсе, либо составляет лишь «фон» для взаимного конструирования образов². Очевидно, поворот к социокультурной истории является шагом «наружу» из политического сообщества, давящего на изучение проблем политической истории.

Наконец, третье мое утверждение – это констатация уникальной роли, которую «АЕ» играет в российской американистике. На протяжении уже полувека он остается главным профессиональным изданием в нашей области. Он не только предоставляет страницы ученым из разных городов страны, как начинающим, так и маститым американистам, но также и ведет уникальный библиографический раздел, позволяющий удерживать в поле зрения важные публикации по всем разделам американистики. Показательно, что несмотря на развитие электронных библиографий и появление электронного варианта самого «АЕ» (что я считаю большой заслугой коллектива, занимающегося его подготовкой), значение этого списка не потерялось. Именно на «АЕ» ориентировались как на модель несколько проектов, осуществляемых американистами в регионах России: волгоградская (теперь частично петербургская) «Americana» и курская «Американистика», –

² Назову лишь несколько монографий, опубликованных в последнее десятилетие, дающих представление о повороте в изучении отношений между Россией / СССР и США. См.: *Беляева К.В., Буранок С.О. и др.* «Красная угроза» в оценках прессы США 1917–1941 гг. Самара, 2020; *Секиринский Д.С.* Американское общество и меняющийся Советский Союз (март 1985 – июль 1991). М., 2012; СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / Отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М., 2017; *Fainberg D.* Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Baltimore (Md.), 2021; *Fedorova M.* Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York: America and Americans in Russian Literary Perception. De Kalb (Ill.), 2013; *Hudson J.M.* Iron Curtain Twitchers: Russo-American Cold War Relations. Lanham, 2019; Russian / Soviet Studies in the United States, *Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects* / Ed. by I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. Lanham, 2015; *Magnúsdóttir R.* Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959. London, 2019; *McDaniel C. Peterson.* American-Soviet Cultural Diplomacy: The Bolshoi Ballet's American Premiere. Lanham, 2015; *Rider T.C.* Cold War Games: Propaganda, the Olympics, and U.S. Foreign Policy. Urbana (Ill.), 2016.

наиболее долгосрочные проекты такого рода. Мне представляется, что редколлегия «АЕ» можно чаще обращаться к активному формированию материалов номера (как это было сделано сейчас при подготовке юбилейного выпуска), например, предлагать кому-то из ведущих историков-американистов (российских или зарубежных) подготовить к очередному выпуску программную статью и организовать «круглый стол» по ее обсуждению.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАНАДЫ НА СТРАНИЦАХ «АМЕРИКАНСКОГО ЕЖЕГОДНИКА»

Ю.Г. Акимов

С момента своего основания «АЕ» публиковал материалы, посвященные не только истории США, но и истории их «северного соседа» — Канады. Развитие Страны кленового листа шло по иной траектории, нежели у Соединенных Штатов. В канадской истории практически не было революционных потрясений и гражданских войн, формирование канадского государства шло эволюционным путем, а его внешняя политика носила преимущественно миролюбивый характер. Конечно, и в далеком и в недавнем прошлом Канады имеются черные страницы, но ни по количеству, ни по «качеству» они не идут ни в какое сравнение с весьма неприглядными моментами истории США.

На протяжении длительного времени наиболее серьезным вызовом для канадского единства и целостности страны являлась (а отчасти и сегодня является) франкоканадская / квебекская проблема. Эта проблема дважды ставила страну на грань распада (в момент проведения в провинции Квебек референдумов о суверенитете 1980 и 1995 гг.) и погрузила в пучину затяжного конституционного кризиса. Однако только один единственный раз (во время Октябрьского кризиса 1970 г.) дело дошло до трагической гибели ОДНОГО человека — это событие стало шоком для всей страны и послужило мощнейшей «прививкой» от радикализма и экстремизма любого рода.

Канадская история показывает, как люди разных убеждений, культур, этносов и религий могут искать и находить компромиссы; что наличие серьезных внутренних противоречий не является непреодолимым препятствием для экономического роста и социального прогресса.

Акимов Юрий Германович — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

са, что авторитет на международной арене зависит отнюдь не только от военной мощи и наконец, что, как сказал один из наиболее ярких канадских политиков XX в. П.Э. Трюдо, можно жить в гармонии с Соединенными Штатами, но в то же время отличаясь от них.

На страницах «АЕ» затрагивались самые разные аспекты истории Страны кленового листа. Если придерживаться хронологического порядка, то следует начать с работ Л.Ю. Слэзкина об истории открытия Северной Америки и В.А. Коленко о Жаке Картье, которые содержали обширный фактический материал о начале «контактной эпохи» в канадской истории. Отдельные проблемы истории Канады в эпоху французского колониального господства (с начала XVII в. до 1760 г.) рассматривались в статьях Ю.Г. Акимова, М.Б. Башкирова, А.В. Федина.

Следующему этапу канадской истории, начавшемуся после падения Новой Франции – эпохе британского колониального господства (1760–1867), – было посвящено несколько статей В.А. Тишкова. Среди них особо следует отметить работу об отношении России к восстанию 1837–1838 гг. в Верхней и Нижней Канаде. В частности, там шла речь о происхождении слухов о якобы имевших место связях канадских «инсургентов» с русскими дипломатическими представителями в США. До настоящего времени она остается единственной публикацией на эту тему, которая, несомненно, требует дальнейшего изучения. История колоний Британской Северной Америки также затрагивалась И.М. Нохриным и И.А. Соковым.

Эпоха становления канадской государственности – от образования доминиона (1867) до принятия Вестминстерского статута (1931) – попадала в поле зрения авторов «АЕ» сравнительно редко. Здесь можно лишь упомянуть статьи о становлении и развитии канадско-американских отношений А.В. Сердюка и В.Н. Дягтеревской.

Существенно чаще предметом исследования отечественных ученых становились проблемы новейшей истории Канады: эволюция ее политической культуры и экономической политики, особенности развития партийной системы, перипетии канадско-американских отношений, функционирование НАФТА, различные сюжеты, связанные с Квебеком. Они рассматривались В.С. Ажаевой, И.А. Аггеевой, И.В. Галкиной, В.А. Коленко, Е.Г. Комковой, А.Н. Комаровым, А.В. Сердюком, И.А. Соковым.

Очевидно, что объектом повышенного интереса отечественных ученых всегда была история российско-канадских отношений. Период их становления (начало XX в.) освещался в нескольких статьях В.А. Коленко, а также в работе Г.К. Болотенко. Контактам Канады и СССР в межвоенный период и в годы Второй мировой войны были посвящены работы Л.В. Поздеевой, советско-канадским отношени-

ям послевоенных лет – И.А. Аггеевой. Сравнительно редко рассматривались современные проблемы (исключением является статья А.Д. Порох).

В 1970–1980-е гг. отечественные канадоведы достаточно большое внимание уделяли «традиционной» для советской историографии проблематике, связанной с историей канадского рабочего, профсоюзного и антивоенного движения. При всей неизбежной идеологизированности подходов к ее изучению, авторам «АЕ» (О.С. Сороко-Цюпе, К.П. Клейменовой, М.М. Дробинскому, И.В. Галкиной) удавалось создавать обстоятельные и объективные работы, содержащие ценный фактический материал.

Особо следует упомянуть о появившихся уже в 1990-х гг. статьях В.А. Коленеко, посвященных католическому синдикализму – явлению, которое до этого не попадало в поле зрения отечественных историков.

К сожалению, авторы «АЕ» достаточно редко обращались к такой важной теме, как история славянской иммиграции в Канаду. В этой связи можно упомянуть только статьи А.И. Сыча и К.Д. Тарасоффа.

Что касается перспективных направлений исследований, связанных с канадской проблематикой, то представляется, что в первую очередь сюда следует отнести изучение различных аспектов российско-канадских отношений в разные исторические периоды. В отечественных архивах еще имеется большое количество документов, до настоящего времени не введенных в научный оборот, которые касаются таких сюжетов, как распространение православия в Канаде, иммиграция из Российской империи / СССР / постсоветской России, советско-канадские отношения в политической, экономической, культурной, спортивной сферах, контакты с отдельными канадскими провинциями, общественными организациями и т.д. Также весьма востребованным может быть изучение сильных и слабых сторон канадского мультикультурализма и политики двуязычия, многосторонней дипломатии, миротворчества, парадипломатии провинций, арктической и аборигенной политики. Что касается «классических» исторических тем, то их разработка, безусловно, должна продолжаться, но, возможно, здесь следует подумать о более широком привлечении сравнительного метода и междисциплинарного подхода.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКО-КАНАДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

И.А. Аггеева

В постсоветские годы российские архивы открыли доступ к большому объему документов, которые позволяют, в частности, расширить проблематику исследований Канады. Рассмотреть развитие советско-канадских двусторонних отношений в политической, деловой, культурной областях с момента обмена дипломатическими миссиями в 1942 г. до роспуска СССР. Связи эти принадлежат, за непродолжительным исключением, периоду «холодной войны» с ее блоковым противостоянием, кризисами и попытками преодолеть конфронтацию, что представляет дополнительный интерес для историков.

Разнообразные по характеру документы, с грифом «секретно», «совершенно секретно», либо без грифа, помимо записей бесед, статистических, аналитических обзоров и справок, включают и такой ценный источник, как регулярные отчеты советского посольства политическому руководству СССР. Новые поступления дают возможность скорректировать некоторые устоявшиеся в советской и канадской историографии представления, в частности о том, что Канада, так называемое «среднее» государство, была не важна для такой «сверхдержавы», как СССР, отдававшей приоритет глобальному сопернику, лидеру западного блока – США. Либо она была ценна только в качестве члена НАТО и плацдарма на пути к Соединенным Штатам, причем СССР был больше заинтересован в отношениях, чем Канада¹.

Значимость советско-американских отношений, учета любых международных проявлений в их контексте не требует доказательств. Однако Канада, как показывают документы МИД СССР, других министерств и ведомств, была не менее важна для СССР как суверенное, динамично развивающееся крупное государство. Деятельность советских представителей в этой стране характеризовали профессионализм, внимание к чужому опыту, ответственность, работа на пользу конструктивных, или «нормальных» контактов, возможности для которых расширились в период разрядки 1960–1970-х гг. В Центр из посольства

Аггеева Ирина Андреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению холодной войны Отдела Новой и Новейшей истории. ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

¹ Подобные оценки содержатся и в серьезных трудах. См., напр.: *Яковлев А.Н.* Сумерки. М., 2005; *Canadian-Soviet Relations, 1939–1980* / Ed. by A. Balawyder. Oakville, 1981.

направлялись ежегодно до тысячи телеграмм, от 400 до 500 записей бесед с «левыми» и «правыми» политиками, общественными деятелями, фермерами, артистами, художниками, профсоюзными активистами и др.² Даже самое беглое ознакомление с этим колоссальным документальным материалом говорит о политическом и деловом прагматизме советских дипломатов, далеком от одномерной картины «кривого зеркала», грубо искажавшего канадскую действительность в угоду идеологии и политике антиамериканизма³. Пропагандистский напор в том вопросе, как ясно из архивных документов, был ничем иным, как «критическим», «целесообразным», тактическим приемом, специально рекомендованным посольством для влияния на общественное мнение⁴.

Новые документы дают возможность обратиться к слабо изученным вопросам, казавшимся либо второстепенными, либо не заслуживающими внимания. Например, о причинах эволюции советско-канадских отношений от «сдержанности» к «доверительному» «потеплению», созданию договорно-правовой базы отношений раньше, чем это произошло в советско-американских, либо советско-английских контактах. Любопытен и канадский ракурс Карибского кризиса, когда Канада проявила «колебания», не поддержав американских союзников сразу. А затем одной из первых приветствовала урегулирование конфликта, которое в Оттаве «вызвало облегчение», и, как видели в посольстве, «не породило» «шовинистического угара, не подхлестнуло антисоветскую пропаганду, а, напротив, привлекло внимание канадцев к проблемам сохранения мира и разоружения»⁵.

Политика «канадизации» возникла на почве деформаций национальной экономики этой страны, чьи базовые отрасли ускоренными темпами переходили под американский контроль. Это в Оттаве считали, что в условиях разрядки страна получает более широкие возможности для маневрирования и развития тенденций к самостоятельным шагам в области внешней политики, ослабления односторонней зависимости от южного соседа. Обретаемая «свобода рук» позволяла Канаде уклоняться с осторожностью от поддержки военной политики США во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии, проявлять инициативность в общеевропейском процессе. Другое дело, что такой курс выглядел из Москвы «выгодной», «положительной тенденцией», отвечал интересам ее безопасности и, в представлении Советского Союза, «дей-

² Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 63. Д. 605. Л. 85, 392. (Далее: РГАНИ.)

³ См., напр.: *Black J.L. Canada in the Soviet Mirror. Ideology and Perception in Soviet Foreign Affairs, 1917–1991.* Ottawa, 1998.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 381. Л. 69.

⁵ РГАНИ. Оп. 63. Д. 605. Л. 157.

ствительным канадским интересам», «закреплению растущего сотрудничества между СССР и Канадой»⁶. Внешняя политика Канады, как известно, отличалась экономической ориентированностью, что также влияло на подходы СССР, который стремился использовать это свойство в интересах своего технологического развития, а не только в рамках банальных закупок пшеницы.

Появляется возможность осветить такие темы, как советско-канадское взаимодействие в ООН и многосторонних международных организациях, в освободившихся от колониальной зависимости странах, куда перемещалось соперничество государств противоположных социальных систем. Любопытно всмотреться «из Москвы» в канадо-китайские отношения, деятельность стран в Латинской Америке, Африке, Азии. Любая из упомянутых обширных проблем может стать предметом исследования, дискуссий и отражения в работах историков-американистов и канадоведов.

«АМЕРИКАНСКИЙ ЕЖЕГОДНИК»: МАТЕРИАЛЫ В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

М.М. Сиротинская

В последнее время в «АЕ» были опубликованы материалы «круглых столов», научных конференций историков-американистов. Так, на «круглом столе» в Институте всеобщей истории РАН (июнь 2014 г.), посвященном итогам «холодной войны», с докладом выступил председатель Российской ассоциации историков-американистов, д.и.н., профессор В.В. Согрин. В научной дискуссии приняли участие крупные специалисты по истории США — Э.Я. Баталов, В.О. Печатнов, Б.М. Шпотов, В.Л. Мальков, В.И. Журавлёва, В.В. Романов, И.К. Лапшина, В.В. Позняков, А.А. Исэров¹. Материалы научной конференции

⁶ Там же. Л. 168, 397.

Сиротинская Мария Моисеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института. ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ); старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Отдела региональных исследований. ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

¹ «Круглый стол» Российской ассоциации историков-американистов (подг. к публикации Л.М. Троицкой и С.А. Елисеевым) // Американский ежегодник 2014. М., 2014.

в Москве (ноябрь 2015 г.), где были подвергнуты анализу ключевые проблемы истории внешней политики Соединенных Штатов, включены в «АЕ 2016»². Пленарные доклады В.О. Печатнова касаются движущих сил внешней политики Вашингтона, В.В. Согрина – феномена американской империи. Н.И. Егорова остановилась на Дартмутских встречах первой половины 1960-х гг. Интересный доклад о связях Томаса Джефферсона с Великобританией сделан Л.М. Троицкой. Особенности пропагандистской кампании «желтой» прессы в преддверии испано-американской войны определены Л.В. Байбаковой. В.В. Прилуцкий сосредоточил внимание на внешней политике США в годы президентства Мартина Ван Бюрена. С.В. Листиков затрагивает тему «русской политики» Вудро Вильсона. А.И. Кубышкиным отмечена роль американского университетского сообщества в подготовке внешнеполитических решений после Второй мировой войны.

Материалы научной конференции, состоявшейся в ноябре 2017 г., размещены в «Американском ежегоднике 2018/2019»³. В.В. Согрин проанализировал методологию современной американистики. А.С. Ходневым изучены социокультурные практики «публичной истории» в Соединенных Штатах. И.М. Супоницкая проследила судьбы некоторых американцев в ГУЛАГе. Большое значение музыкальной драме «Борис Годунов» М. Мусоргского на сцене Метрополитен-опера придает Н.В. Курков. М.М. Сиротинская рассматривает представления американцев о роли США в мире в середине XIX в. В «АЕ 2020» опубликованы материалы конференции, проводившейся в ноябре 2019 г.⁴ С серьезным докладом о константах взаимного восприятия России / СССР и США выступил В.О. Печатнов. И.К. Лапшина показала динамику восприятия России в американском общественном мнении в 2014–2019 гг. Н.А. Цветковой прослежена эволюция терминологического аппарата в изучении «публичной дипломатии» Вашингтона, новые методы ее анализа в цифровую эпоху. В.В. Согрин обратил внимание на узловые проблемы Войны североамериканских колоний за независимость и Гражданской войны. Т.В. Алентьевой сделан вывод о том, что Гражданская война Севера и Юга неизбежно вела к нарушению прав человека. Роль этнического фактора в истории США XX в. рассмотрена З.С. Чертиной.

На страницах «АЕ» в последнее десятилетие поднимаются важные темы итогов президентства Б. Обамы и президентской избирательной

² Узловые проблемы истории внешней политики США // Американский ежегодник 2016. М., 2017. С. 13–288.

³ Методология, историография, источниковедение современной американистики // Американский ежегодник 2018/2019. М., 2019. С. 11–313.

⁴ США и Россия. Взаимоотношения. Взаимовосприятие. Изучение // Американский ежегодник 2020. М., 2020. С. 13–363.

кампании 2016 г., российско-американских связей, «публичной дипломатии» Вашингтона, американской национальной идентичности, иммигрантов в Соединенных Штатах, роли США в Первой мировой войне, отражения Вьетнамской войны в американском общественном мнении, восприятия американцев британцами в первой половине XIX в. и др. Печатаются научные статьи по истории Русской Америки (значительный вклад в ее изучение внесен А.Ю. Петровым), Канады, стран Латинской Америки. Каждый номер «АЕ» содержит библиографический список научных работ по истории США и Канады, изданных на русском языке (подготовлен Т.Ю. Лаврентьевой).

Все эти публикации чрезвычайно полезны для студентов, обучающихся в Российском государственном гуманитарном университете по дисциплинам «История», «Зарубежное регионоведение» («Американские исследования»), «Международные отношения». Работы ученых дают молодежи возможность познакомиться с современным состоянием отечественной американистики, по-новому взглянуть на изучаемые проблемы, расширяют кругозор студентов. Последние узнают, что среди российских ученых имеются разные точки зрения по тем или иным вопросам.

Студенты проявят интерес к работам с использованием социокультурного подхода в карикатурах, в живописи, например, в нью-йоркском жанровом изобразительном искусстве XIX в. Желательно, чтобы на страницах «АЕ» специалисты вновь обратились к обсуждению основных проблем истории США XIX в. Отечественные историки подвергали глубокому анализу так называемую «джексоновскую демократию». Возможно, следует рассмотреть эту эпоху в международном, трансатлантическом контексте, с учетом новых баз данных. Как представляется, студентов привлекают статьи, в которых даны яркие портреты выдающихся личностей в истории США – государственных, общественно-политических деятелей, дипломатов, ученых, писателей, актеров, художников, архитекторов.

(Подготовлено к публикации *Л.М. Троицкой.*)